

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова

Как мы первый раз поехали в Китай

Дорамы, чемодан и настоящий Китай

Виктор Алеветдинов
Виктория Ончукова
Как мы первый раз
поехали в Китай

<https://litres.ru/73950228>

SelfPub; 2026

Аннотация

Катя давно мечтала поехать в Китай: после дорам ей хотелось увидеть горы в тумане, красные фонари, старые улицы, чайные лавки и тот самый Китай, который кажется немного сказочным.

Дима относился к поездке практичнее: паспорта, билеты, зарядки, страховка, маршрут и главное — ничего не забыть.

Так они впервые отправляются в Китай. Впереди Пекин, Великая стена, Хуаншань, Ханчжоу, Шанхай, Хайнань, лапша без понятного меню, QR-коды, метро, чемодан, который всё время мешает, и много ситуаций, где всё идёт не совсем по плану.

Это лёгкая, смешная и тёплая история о первом путешествии в Китай, семейных спорах, неожиданных открытиях и о том, что настоящая поездка часто оказывается лучше любой красивой картинки.

Содержание

Пролог. Дорамы, чемодан и меч, которого не было	4
Глава 1. Перелёт в Поднебесную, или романтика логистики	20
Глава 2. Китай пропускает по инструкции	47
Глава 3. Пекин начинается не с императоров	72
Глава 4. Пекин начинается с лапши	100
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Виктория Ончукова, Виктор Алеветдинов Как мы первый раз поехали в Китай

Пролог. Дорамы, чемодан и меч, которого не было

В тот вечер мы, как приличные взрослые люди, должны были заняться чем-нибудь серьёзным: оплатить квитанции, разобрать почту, проверить, не закончилась ли гречка. Вместо этого мы сидели на диване под пледом, ели яблоки дольками прямо из миски и смотрели китайскую дораму, где прекрасный человек в белых одеждах уже третий эпизод не мог признаться прекрасной женщине в голубых одеждах, что он готов умереть за неё, потому что мешали долг, род, печати, клятвы и очень красивые рукава.

Я смотрела, не моргая. Дима смотрел так, как человек смотрит на чужой ремонт: в целом не против, но всё время хочется спросить, почему нельзя было сделать проще.

— Вот, — сказала я, когда герой одним движением достал меч из ножен, а за его спиной разлетелись лепестки. — По-

нимаешь?

— Понимаю, — сказал Дима. — У них там опять кто-то кому-то ничего нормально не объяснил.

— Нет, ты не то понимаешь. Смотри: туман, горы, судьба, меч, взгляд. Это же Китай.

Дима поставил миску с яблоками на журнальный столик и потянулся за телефоном.

— Китай — это визы, билеты, багаж, страховка и зарядка. Горы тоже, возможно, есть, но без зарядки мы их не увидим.

Я обиделась не всерьёз, потому что в глубине души знала: если бы мир держался только на моих представлениях о судьбе, мы бы красиво ушли в туман, а затем через двадцать минут вернулись за паспортами. Дима был человеком, который возвращал в кадр паспорта, билеты, аптечку и мысль о том, что розетки в других странах могут иметь собственную политическую позицию.

На экране героиня стояла на мосту и смотрела вдаль так, словно за горизонтом её ждала не дорога, а ответ на все вопросы. Я тоже посмотрела вдаль, но упёрлась взглядом в нашу сушилку для белья, где висели носки, и от этого сцена стала даже честнее. Между высокой судьбой и бытовой реальностью у нас всегда находилась сушилка, табуретка или счётчик за электричество.

— Мы туда поедem, — сказала я.

— Куда именно? — Дима не отрывался от телефона.

— В Китай.

Он поднял глаза. На экране в этот момент кто-то торжественно умер, но не окончательно, потому что до конца сезона оставалось много серий.

— Мы это уже обсуждали, — сказал он. — Ты хочешь в Китай как в дораме, а я хочу вернуться обратно живым и без долгов.

— Это одно и то же путешествие, с разных сторон.

Дима вздохнул не трагически, а бухгалтерски. Это был его особый вид вздоха: в нём уже лежала таблица расходов, проверка багажа, пересадки, страховка, офлайн-карты и тихая надежда, что я хотя бы не возьму с собой сапоги «для красивых фотографий в горах». Я же в этот момент видела совсем другое: туман над Хуаншанем, красные фонари, чай, который наливают тонкой струйкой, и, конечно, меч. Не настоящий, разумеется. Я была взрослым человеком и понимала таможенные правила. Но хотя бы сувенирный. Хотя бы маленький. Хотя бы магнитик в форме меча, если реальность будет особенно строгой.

— Смотри, — Дима развернул ко мне телефон. — Есть маршрут через Пекин. Затем можно Хуаншань, Ханчжоу, Шанхай, Хайнань. Но это не отпуск, а марш-бросок с красивыми названиями.

— Звучит идеально.

— Звучит как то, после чего нам понадобится отпуск от отпуска.

Я забрала телефон и увидела карту. Названия городов сто-

или на экране ровными точками, будто кто-то уже разложил для нас путь по главам. Пекин казался началом древней истории, Хуаншань — обещанием тумана, Ханчжоу — чашкой чая, Шанхай — будущим, которое нечаянно построили раньше срока, а Хайнань — морем, где, как я наивно думала, никто не будет требовать от волн расписания.

— Вот, — сказала я. — Видишь? Сама судьба предлагает.

— Это не судьба. Это поисковая выдача.

— У судьбы тоже должен быть интерфейс.

Дима хотел возразить, но на экране дорамы герой наконец признался героине в любви, правда сделал это таким сложным образом, что даже субтитры, кажется, устали. Мы замолчали. Я прижала к себе подушку, Дима проверил время серии, а за окном обычный вечер аккуратно тёрся о стекло: машины во дворе, соседский телевизор за стеной, котельная где-то внизу, наш чайник на кухне, который щёлкнул так буднично, будто объявил антракт между фантазией и покупкой билетов.

Покупка билетов началась на следующий день и сразу показала, что дорога в Поднебесную не открывается тем, кто красиво мечтает. Она открывается тем, кто помнит отчество, номер паспорта, срок действия паспорта, номер второго паспорта на всякий случай, время пересадки, норму багажа и разницу между «выгодно» и «мы проведём двенадцать часов ночью в аэропорту, питаюсь печеньем».

Мы разложили на кухонном столе ноутбук, паспорта,

блокнот, две ручки и чай. Я принесла ещё свечку, потому что покупка билетов в Китай, на мой взгляд, требовала атмосферы. Дима посмотрел на свечку так, будто она уже увеличила стоимость маршрута.

— Зачем свечка?

— Чтобы небесная канцелярия была к нам благосклонна.

— Небесная канцелярия принимает оплату картой?

— Принимает намерение.

— Тогда пусть намерение оплатит багаж.

Он открыл ноутбук, и начался первый семейный совет путешествия. Я голосовала за красоту. Дима голосовал за пересадки, время прилёта, вес чемодана и «чтобы не умереть в пути». Я выбирала города по внутреннему мерцанию названий. Он выбирал так, как будто мы перевозили не двух туристов, а хрупкую лабораторную установку, чувствительную к недосыпу.

— Вот этот рейс дешевле, — сказала я.

— У него пересадка сорок пять минут.

— Мы быстро бегаем.

— Мы быстро паникуем. Это не одно и то же.

— Зато прилетаем красиво.

— Красиво — это когда багаж прилетает вместе с нами.

Я пыталась объяснить, что путешествие не должно быть составлено только из удобных стыковок, иначе где же простор для приключения. Дима объяснял, что приключение начинается там, где кто-то забыл распечатать бронь или решил,

что час на международную пересадку — это достаточно, если очень верить. Мы спорили мирно, с чайными паузами, но напряжённо: как два министра в государстве, где один отвечает за вдохновение, а другой за выживание.

В какой-то момент я нашла маршрут, который казался мне почти идеальным. Там были Пекин, горы, чай, небоскрёбы, море и внутренние переезды, от которых у Димы потемнел взгляд.

— Смотри, как красиво, — сказала я и повернула к нему экран.

— Смотрю. Почему у нас здесь четыре города за столько дней?

— Потому что Китай большой.

— Китай большой не для того, чтобы мы пытались вместить его в чемодан.

— Мы не весь вместим. Только самое важное.

— Самое важное, — Дима взял ручку и написал на листе: «паспорта, деньги, связь, страховка, зарядки». Затем подумал и добавил: «жена».

— Почему я после зарядок?

— Потому что зарядки ты точно забудешь, а себя обычно берёшь.

Я хотела сказать что-то торжественное, но рассмеялась. Именно в такие минуты становилось понятно, почему мы вообще могли ехать вместе куда угодно. Я тащила в маршрут туман, он тащил переходник. Я верила в красивое совпаде-

ние, он — в скриншот брони. Между нами и получалось путешествие: не настолько разумное, чтобы стать скучным, и не настолько безумное, чтобы закончиться в первом же аэропорту.

Когда билеты наконец появились в корзине, я почувствовала, как будто мы стоим перед воротами другого мира. Оставалось нажать кнопку, и наша домашняя фантазия перестала бы быть разговором под дораму. Дима ещё раз проверил даты. Затем проверил фамилии. Затем попросил меня проверить фамилии, потому что, как он сказал, судьба судьбой, а билет с ошибкой в паспорте не пустит даже самого искреннего мечника.

— Нажимать? — спросил он.

Я посмотрела на экран. В маленьких строчках там были защиты будущие очереди, ранние подъёмы, усталые ноги, чужие станции, еда, которую мы не сможем прочесть, и, возможно, хотя бы один момент, когда туман сделает вид, что всё это было предсказано.

— Нажимай.

Дима нажал. Ноутбук подумал, карта банка прислала код, мы ввели цифры, система приняла платёж, и на почту пришли билеты. Никакой гром не ударил, небесная канцелярия не прислала золотую печать, герой в белом не появился у холодильника. В папке «Входящие» возникли документы, после которых отступать стало глупо и дорого.

— Всё, — сказал Дима. — Теперь мы едем.

Я встала из-за стола, будто мне нужно было проверить, не изменился ли мир за окном. Мир не изменился: дворник катил тележку, кто-то хлопнул дверью подъезда, на соседнем балконе висело бельё. Но у нас внутри уже открылся маленький коридор туда, где городские названия звучали как заклинания, а слово «пересадка» впервые стало частью семейного эпоса.

— Надо составить список вещей, — сказал Дима.

— Надо пересмотреть дораму про горы.

— Сначала список.

— Сначала вдохновение.

— Катя, без списка твоё вдохновение пойдёт в Китай без носков.

Я признала силу аргумента. Носки, в отличие от судьбы, действительно имели свойство заканчиваться в самый неподходящий момент.

Чемодан мы достали через неделю, и он сразу занял в комнате положение древнего артефакта. Он стоял раскрытый на полу, чёрный, глубокий, с царапинами от прошлых поездок, и смотрел на нас с выражением человека, которого снова втянули в сомнительную историю. Я села рядом на ковёр и положила в него первый предмет — термокружку. Дима положил рядом список. С этого момента стало ясно, что у каждого из нас свой способ собираться в Китай.

Я собирала не вещи, а роли. Термокружка была не термокружкой, а сосудом странника, который однажды спасёт нас

кипятком в поезде или чаем у окна. Пластыри были не пластырями, а малым медицинским отрядом. Пауэрбанк — камнем энергии. Офлайн-карты — древней навигационной табличкой. Распечатки броней — императорскими указами, дающими право на ночлег. Даже пакет с влажными салфетками, если посмотреть на него правильно, выглядел как скромный, но надёжный талисман против хаоса.

Дима видел всё проще. Термокружка — чтобы пить. Пластыри — чтобы заклеивать. Пауэрбанк — чтобы телефон не умер. Распечатки — потому что телефон может умереть даже при наличии пауэрбанка, если я забуду его зарядить.

— Положим аптечку сюда, — сказал он.

— Это будет лечебный отдел нашего магического сундука.

— Это будет аптечка.

— Ты убиваешь атмосферу.

— Я спасаю желудок.

Он был прав настолько часто, что это порой выглядело нечестно. Я принесла лекарства, он разложил их по пакетам и подписал. Я принесла красивый шарф для фотографий, он спросил, куда я собираюсь его класть, если мы ещё не положили дождевики. Я принесла блокнот, чтобы записывать впечатления, он молча положил рядом запасную ручку. Забота Димы редко выглядела как признание в любви. Чаще она выглядела как подписанный пакетик с таблетками от горла.

— А можно я возьму платье? — спросила я.

— Одно можно.

— А если для Пекина одно, для Хуаншаня другое, для Ханчжоу третье?

— Тогда одно из них понесёт чемодан, второе понесу я, третье понесёт твоя дорама.

— Дорама у меня сильная.

— Пусть тогда и обувь несёт.

Мы сложили футболки, штаны, дождевики, зарядки, переходники, маленький фен, запасные очки, пакеты для грязного белья, копии документов и лекарства. Чемодан постепенно превращался в карту наших страхов. Мы боялись простыть, заблудиться, промокнуть, остаться без связи, не понять адрес, натереть ноги, не найти кофе, забыть бронь, потерять карту, не суметь объяснить, что нам нужно. Но на каждый страх находилась вещь, и от этого тревога становилась ручной.

Я держала в руках маленький складной зонт и думала, как красиво он будет смотреться на фоне китайских улиц. Дима взял его, проверил механизм и положил сбоку.

— Работает, — сказал он.

— Ты мог бы сказать: «Этот зонт укроет нас от дождей чужой земли».

— Этот зонт не сломан. Это лучше.

Он пошёл на кухню за водой, а я осталась рядом с чемоданом и вдруг увидела в его тёмной крышке отражение теле-

визора. На экране очередная дорама показывала горный перевал, где ветер трепал рукава героя. В отражении же, рядом с этим перевалом, лежали наши носки, пакет с лекарствами и зарядка с двумя проводами. Получалось честное предсказание всей поездки: мечей не было, зато был кабель USB-C, без которого ни один современный герой не покидает родное царство.

Я попыталась представить, как мы будем выглядеть в Китае. В моих мыслях я шла по старому переулку спокойно и красиво, будто у меня за плечами не рюкзак с бутылкой воды, а тайна древнего рода. Дима шёл рядом, конечно, без ханьфу, зато с телефоном, на котором открыты карты, билеты и выражение «где здесь выход». В реальности, подозревала я, мы будем чаще искать туалет, чем смысл жизни, чаще спорить о направлении, чем о судьбе, и чаще пить воду из термокружки, чем произносить фразы достойные финала серии.

— Ты задумалась опасно, — сказал Дима, вернувшись.

— Я представляю нас в Китае.

— Представь нас в очереди на досмотр. Это ближе к началу.

— Почему ты всё время начинаешь с досмотра?

— Потому что досмотр начнёт с нас.

Я взяла из стопки распечатанные брони и аккуратно положила их в папку. Бумага приятно шуршала, и в этом шорохе было что-то успокаивающее. До поездки оставались недели,

но наш дом уже жил в режиме подготовки: на холодильнике висел список, в телефоне появлялись сохранённые адреса, в браузере копились вкладки, а в разговоре всё чаще возникало «там». «Там надо будет купить сим-карту». «Там посмотрим». «Там разберёмся». «Там», как оказалось, начиналось задолго до аэропорта.

В один из вечеров я попыталась проверить, насколько мы готовы культурно. Открыла видео про базовые китайские фразы и с большим чувством произнесла «ни хао». Дима сидел за столом и проверял страховку.

— Хорошо? — спросила я.

— Звучит уверенно.

— То есть неправильно?

— Я не знаю, как правильно. Поэтому уверенно.

Мы выучили «спасибо», «здравствуйте» и ещё несколько слов, которые я тут же стала использовать дома с торжественностью человека, принявшего сан. Дима терпел два дня, а затем сказал, что если я ещё раз поблагодарю его за вынесенный мусор на китайском, он начнёт отвечать мне номерами бронирований. Это было справедливо, и я сократила языковую практику до моментов, когда он не мог уйти: например, в лифте.

Самым сложным оказалось решить, чего мы ждём от Китая. Не от маршрута, не от отелей, не от погоды, а именно от Китая, того большого слова, которое вмещало в себя всё сразу: древние стены, чай, небоскрёбы, рынки, море, горы,

людей, правила, незнакомую еду, дорожные ошибки и мою личную надежду, что где-нибудь между всем этим нам станет ясно, зачем мы так долго смотрели чужие истории на экране.

— Я хочу увидеть настоящий Китай, — сказала я однажды вечером.

Мы сидели на кухне. Чемодан уже был почти собран, но ещё не закрыт, потому что Дима считал, что закрывать рано, а я считала, что открытый чемодан красивее работает на предвкушение. На столе стоял чай, обычный, домашний, купленный в ближайшем магазине. Я держала чашку двумя руками и чувствовала себя человеком, который вот-вот скажет что-то важное, хотя за спиной в коридоре сушились кроссовки.

— Настоящий? — переспросил Дима.

— Да. Не только туристический. Не только как в дорамах. Хотя как в дорамах тоже можно, я не против. Но настоящий. Дима покрутил чашку в ладонях.

— Настоящий Китай может оказаться с очередями, до-
смотрами и инструкциями.

— Пусть. Зато настоящий.

— И с едой, которую мы не поймём.

— Тем более настоящий.

— И с тем, что я буду каждые двадцать минут спрашивать: «Паспорта на месте?»

— Это уже настоящий ты.

Он улыбнулся, и мне стало спокойно. В его улыбке не бы-

ло торжественного обещания, что всё будет легко. Там было лучшее обещание: если будет нелегко, мы будем нелегко вместе. Он проверит документы, я найду повод превратить ошибку в легенду. Он скажет сухую реплику, я обижусь на полминуты, затем рассмеюсь. Мы потеряемся, найдёмся, устанем, купим что-нибудь странное, поспорим из-за маршрута, попробуем еду, которую дома никогда бы не выбрали, и, возможно, однажды увидим горы, где моя дорамная часть наконец перестанет выглядеть смешно.

— Давай тост, — сказала я и подняла чашку.

— Чаем?

— А чем ещё? Мы же готовимся культурно.

— Ладно. За настоящий Китай.

— За настоящий Китай, — повторила я. — И за то, чтобы он был к нам добр.

— И чтобы мы не потеряли зарядку.

— Дима.

— Что? Это тоже доброта.

Мы чокнулись чашками. Чай был самый обычный, без легенды, без горной росы, без древнего мастера, который собирал листья на рассвете под звуки флейты. Но в тот вечер он показался мне первым дорожным чаем, потому что рядом стоял чемодан, на холодильнике висел список, в почте лежали билеты, а в голове уже стучало радостное и тревожное: мы едем.

Позже я долго не могла уснуть. В комнате было тёмно,

только экран телефона светился на тумбочке: я снова проверяла фотографии мест, куда мы собирались. Пекин мерцал фонарями, Хуаншань тонул в облаках, Ханчжоу отражался в воде, Шанхай сиял стеклом, Хайнань обещал пальмы и море. В каждой снимке я искала тот самый знак: вот здесь начнётся наше большое приключение, вот здесь появится чувство, что мы вошли в историю, а не купили билеты по акции.

Дима уже почти спал, но всё равно почувствовал, что я не успокоилась.

— Ты опять смотришь Китай?

— Да.

— Он за ночь не исчезнет.

— Я проверяю.

— Что именно?

Я посмотрела на фотографию гор в тумане. Там не было людей, чемоданов, очередей, табличек, досмотров и QR-кодов. Только камень, облака и ощущение, что где-то за белой пеленой прячется мир, который пока не знает, что мы уже собрали аптечку.

— Проверяю, ждёт ли он нас, — сказала я.

Дима повернулся на бок.

— Ждёт. Мы же оплатили.

Это была ужасно прозаическая фраза, но я почему-то поверила именно ей. Не потому, что у мира всё решает оплата, а потому что наше чудо с самого начала было устроено так: немного тумана, немного смеха, немного документов,

немного любви, тщательно подписанная аптечка и два человека, которые хотят увидеть страну, но сначала должны научиться не путать собственную фантазию с её реальностью.

Я выключила телефон. В темноте комнаты чемодан у стены казался большим спящим зверем, которого мы скоро поведём в аэропорт. Он был набит вещами, страхами, надеждами, зарядками и моими тайными ожиданиями, среди которых всё ещё лежал невидимый меч. Я знала, что настоящего меча не будет. Догадывалась, что вместо него нас встретят стойки регистрации, очереди, табло, проверки, инструкции, указатели и люди, которые будут жить своей обычной жизнью, пока мы пытаемся превратить её в приключение.

Но тогда, дома, перед первой дорогой, мне очень хотелось верить, что Китай понял наш тост именно так, как мы его произнесли: не как требование показать нам сказку, а как просьбу впустить нас в свою реальность, даже если мы войдём туда с лишними вещами, смешными ожиданиями и лицами людей, которые уже знают Китай по дорамам, но ещё не знают, как выглядят в очереди на досмотр. Китай, как выяснится, услышал. И, как воспитанный хозяин, приготовил уточняющие вопросы.

Китай ждал нас не с мечом. Китай ждал нас с инструкцией.

Глава 1. Перелёт в Поднебесную, или романтика логистики

Утром нашего отъезда чемодан стоял у двери с таким выражением, будто за ночь прочитал маршрут и передумал ехать. Я тоже почти передумала, но только в той части, где надо было вставать до будильника, проверять документы холодными пальцами и помнить, что большое путешествие начинается не с музыки, а с вопроса: «Ты точно выключила утюг?» Утюг мы проверили дважды, паспорта — четыре раза, воду на кухне — один раз, потому что Дима сказал, что если мы начнём прощаться с квартирой как с древним храмом, самолёт улетит без нас.

— Паспорта, — сказал он у двери.

— Есть.

— Билеты.

— Есть.

— Телефоны.

— Есть.

— Зарядки.

— Есть.

— Павербанки.

— Есть.

— Ты.

— Пока да.

Дима кивнул так, будто в списке напротив пункта «жена» можно было поставить галочку, и поднял чемодан. Тот сразу показал характер: колёса зацепились за порог, ручка щёлкнула громко, а ремень на боковом кармане ухитрился зацепиться за пакет с мусором, который мы решили вынести «по пути». В дорамах герои покидают дом под звон колокольчиков и шелест бамбука. Мы покидали дом под шорох пакета и Димину фразу, что мусор надо было вынести вчера.

Так началась наша дорога в Китай. Не с меча, не с тумана, не с рокового взгляда через плечо, а с лифта, в котором пахло чужим кофе и мокрой обувью. Я стояла рядом с чемоданом, держала в руках папку с распечатками и старалась выглядеть как женщина, которая едет навстречу судьбе. Дима смотрел на табло этажей и считал, успеем ли мы к стойке регистрации, если такси внезапно решит стать частью драматургии.

В такси я хотела сказать что-нибудь красивое. Например: «Каждая дорога начинается с первого шага». Но первый шаг у нас уже был, и он зацепился за мусорный пакет, поэтому фраза потеряла убедительность. Вместо этого я посмотрела в окно на сонный город, на киоски, остановки, ранних людей с рюкзаками, и вдруг почувствовала, что путешествие уже началось, хотя мы ещё не выехали за пределы района. Дом оставался позади не как точка на карте, а как место, где мы были уверены, что всё предусмотрели.

— Ты улыбаешься подозрительно, — сказал Дима.

— Я думаю, что мы едем в Поднебесную.

— Мы едем в аэропорт. Поднебесная начнётся после стойки регистрации, если наш багаж не решит жить отдельно.

— Ты можешь хоть немного поддержать высокий тон?

— Высокий тон начинается после контроля веса.

В аэропорту высокий тон действительно упёрся в вес. Мы вошли в здание, и я сразу попыталась почувствовать величие момента. Стеклопанные двери раскрылись, воздух пах кофе, металлом, духами, мокрыми куртками и чем-то нервным, что бывает только там, где люди рано приехали или поздно поняли, что паспорт лежит в другой сумке. Над головами светились табло, чемоданы катились по полу, дети висли на ручках тележек, а сотрудники в форме двигались с выражением людей, которые видели все виды человеческой паники и давно перестали удивляться.

Я остановилась посреди этого светлого шума и решила, что вот они — первые небесные ворота. Табло было оракуллом, стойки — дворцовыми постами, посадочный талон — будущей печатью допуска. Я почти слышала внутри торжественную музыку, но Дима взял меня за локоть и повернул на тридцать градусов вправо.

— Нам туда.

— Я как раз почувствовала знак.

— Знак висит над стойкой. Номер сто двадцать четыре.

Стойка регистрации нашлась быстро, зато очередь к ней

уже жила своей маленькой цивилизацией. Впереди стояла семья с тремя чемоданами, одним ребёнком и плюшевым медведем размером с приличную собаку. За нами устроился мужчина в спортивной куртке, который держал паспорт так крепко, будто документ мог сбежать. Сбоку девушка переставляла вещи из одного чемодана в другой прямо на полу: кроссовки, косметичка, пакет с конфетами, ещё одни кроссовки. Я смотрела на неё с сочувствием и ужасом, как на пророчество.

— Наш чемодан сколько весит? — спросила я шёпотом.

— Дома был двадцать один и семьсот.

— А если весы здесь строже?

— Весы не бывают строже. Весы бывают честнее.

— Это хуже.

Дима посмотрел на чемодан. Чемодан молчал, но по его виду было ясно: внутри он тоже что-то скрывает. Я вспомнила, как накануне незаметно доложила в боковой карман тонкий шарф, блокнот, ещё один пакет салфеток и маленькую коробочку с карамелью «на всякий случай». В путешествии всякий случай всегда выглядит убедительно, пока не встаёт на весы.

Когда подошла наша очередь, я подала паспорта с таким чувством, будто вручала стражу древнюю грамоту. Сотрудница стойки улыбнулась, проверила документы, постучала по клавиатуре и попросила поставить чемодан на ленту. Чемодан поднялся туда с небольшой Диминой помощью и за-

мер, как обвиняемый.

Цифры вспыхнули на экране. Дима наклонился вперёд. Я перестала дышать. Двадцать два килограмма и сто граммов.
— Нормально, — сказала сотрудница.

Я выдохнула так, будто нам только что даровали право пересечь границу царств. Дима забрал багажную бирку, и по его лицу было видно, что он тоже испытал облегчение, оформил его внутренним протоколом.

— Видишь? — сказала я. — Чемодан прошёл испытание.

— Он прошёл норму багажа.

— Это одно и то же, только ты рассказываешь скучно.

Багаж уехал по ленте, и я проводила его взглядом с неожиданной нежностью. Там лежала половина нашей домашней уверенности: аптечка, дождевики, термокружка, зарядки, распечатки, мой шарф, Димина строгая логика и пакет карамели, о котором он пока не знал. Чемодан исчез за резиновыми створками, будто его проглотил технический дракон. Я надеялась, что дракон был надёжный и имел правильную бирку.

Досмотр встретил нас без романтики, зато с лотками. Я заранее представляла, как пройду через рамку уверенно, почти кинематографично, но реальность попросила снять ремень, выложить телефон, достать ноутбук, убрать воду, положить куртку отдельно и не забыть папку с документами. За пять минут я превратилась из путешественницы в человека, который перекладывает собственную жизнь по пластиковым

коробкам под взглядом очереди.

— Павербанк достань, — сказал Дима.

— Какой?

— Оба.

— У нас два?

— У нас три. Один маленький у тебя в рюкзаке.

— Это не маленький. Это запасной камень энергии.

— Камень энергии тоже достань.

Я достала. Рядом мужчина выкладывал из карманов мелочь, ключи, часы, наушники и что-то, похожее на складной ножик для фруктов. Сотрудник попросил убрать ножик. Мужчина удивился так искренне, будто аэропорт неожиданно выступил против витаминов. Я почувствовала, что досмотр — это место, где у каждого человека есть своя маленькая трагедия: у кого-то вода, у кого-то ножик, у кого-то крем больше ста миллилитров, у кого-то представление о себе как о собранном взрослом.

Рамку я прошла со второго раза, потому что в кармане куртки нашлась заколка. Дима прошёл с первого и, конечно, не сказал ничего торжествующего. Он собрал мои вещи в правильном порядке и подвинул мне рюкзак. Это была его форма нежности: не «я рад, что мы вместе летим в Китай», а «держи паспорт, ты положила его не туда».

После досмотра мы оказались в чистой зоне, где всё выглядело как обещание благополучия: кофе, витрины с бутербродами, люди с посадочными талонами, мягкие крес-

ла, огромные окна. Самолёты стояли за стеклом, как большие белые рыбы, готовые проглотить нас и выплюнуть где-то ближе к нашей фантазии. Я хотела подойти к окну и вдохновенно посмотреть на крыло, но Дима уже сверял номер выхода.

— У нас ещё время, — сказала я.

— В аэропорту «ещё время» заканчивается неожиданно.

— Можно хотя бы кофе?

— Можно. Но сначала найдём выход.

— Ты человек, который даже кофе пьёт через логистику.

— Благодаря этому кофе не пьёт нас.

Выход нашёлся, кофе купился, кресла оказались заняты почти все, но мы нашли два места возле стойки с розетками. Дима подключил телефон, будто поставил на зарядку не устройство, а всю нашу дальнейшую жизнь. Я открыла блокнот, чтобы записать первые впечатления, и написала: «Дорога началась с веса багажа». Затем подумала и добавила: «Это честнее меча».

Самолёт до пересадки был почти полон. Мы зашли в салон, нашли свои места и сразу начали участвовать в древнем обряде всех перелётов: куда положить рюкзак, кто занял полку, можно ли убрать куртку, почему ремень безопасности спрятался между сиденьями, и что делать с человеком, который уже сидит у прохода, хотя ему затем обязательно надо будет вставать. Я села у окна, Дима — рядом, и на несколько минут мне снова удалось вернуть торжественность. Самолёт

был нашей первой настоящей границей. Сейчас мы поднимемся над городом, и всё домашнее останется внизу.

— Ну что, — сказала я тихо. — Начинается.

Дима застегнул ремень и проверил карман переднего сиденья.

— Начинается инструкция по безопасности.

Он был прав. На экранах ожили люди, которые показывали, как застёгивать ремень, где находятся выходы и как надуть жилет, если судьба решит стать совсем водной. Я слушала внимательно, потому что романтика романтикой, но жилет под сиденьем всегда добавляет сюжету дисциплины. Затем самолёт вырулил на полосу, двигатели загудели, город за окном дрогнул, и моё сердце всё-таки подпрыгнуло.

Когда мы оторвались от земли, я впервые за утро почувствовала, что путь стал настоящим. Машины внизу превратились в точки, дороги — в линии, дома — в серые прямоугольники, и наш привычный мир вдруг уменьшился до схемы. Я представила, как где-то впереди, за несколькими часовыми поясами, ждут фонари, горы, чай, вывески, которых мы не прочтём, и люди, которым мы будем пытаться объяснить себя жестами, переводчиком и самым честным выражением лица.

— Красиво, — сказала я.

— Угу, — ответил Дима и протянул мне воду. — Пей, а то опять голова заболит.

Вот так он признавал красоту: через профилактику обез-

воживания. Я взяла бутылку и решила, что в этом тоже есть своя поэзия, с минералами.

Первый перелёт прошёл в странном полусне. Я пыталась смотреть фильм, но экран на спинке сиденья жил своей жизнью и открывал не те разделы. Дима читал маршрут, выделенный в заметках цветами, как военную карту. Сосед через проход громко разворачивал фольгу от сэндвича. Ребёнок впереди дважды ронял игрушку, и каждый раз вся ближайшая часть самолёта участвовала в её спасении. Стюардесса принесла еду, и я с благодарностью приняла лоток, хотя содержимое выглядело так, будто кухня решила остаться нейтральной между странами.

— Это курица? — спросила я.

— Написано курица.

— А выглядит?

— Как международное соглашение.

Мы съели почти всё, потому что впереди была пересадка, а на пересадках нельзя быть гордым. После еды я задремала, проснулась от объявления, снова задремала, проснулась от того, что Дима проверяет паспорта, и поняла: он делает это не потому, что не доверяет сумке, а потому, что ему спокойнее держать реальность в руках. Я не стала шутить. Положила ладонь ему на запястье, а он на секунду накрыл её своей и тут же убрал, потому что надо было сложить посадочные талоны в папку.

Пересадочный аэропорт встретил нас коридорами, таб-

личками, людьми и ощущением, что самолёт высадил нас не в здании, а внутри чужого организма. Поток пассажиров двигался уверенно, мы двигались вместе с ним и делали вид, что тоже всё понимаем. Это был важный навык путешественника: если не знаешь, куда идти, иди так, будто знаешь, и внимательно смотри на указатели. Главное — не уйти за толпой, которая летит в другое полушарие.

— У нас какой выход? — спросила я.

— Пока неизвестно. На табло ещё нет.

— Как это нет?

— Так. Оракул молчит.

Я посмотрела на большое электронное табло, где рейсы сменяли друг друга с равнодушной скоростью. Нашего действительно не было. Внутри у меня сразу включилась маленькая тревожная женщина с фонариком: а вдруг рейс перенесли, а вдруг мы не там, а вдруг надо было выйти в другой терминал, а вдруг Китай уже начался с загадки, которую мы провалили.

Дима не паниковал. Он смотрел на табло так сосредоточенно, будто мог силой взгляда заставить его выдать нужную строку. Рядом с нами стояла молодая пара с рюкзаками, они говорили на английском и тоже искали что-то глазами. Чуть дальше пожилой мужчина в светлой куртке держал распечатку маршрута и спрашивал у сотрудника аэропорта дорогу. У всех было разное гражданство, разный акцент, разные сумки, но одинаковое выражение лица: «Мы вроде взрослые

люди, но сейчас нас ведёт табло».

— Китай? — спросила девушка с рюкзаком, заметив наши билеты.

— Китай, — ответила я.

Она улыбнулась с таким облегчением, будто мы уже стали родственниками по неопределённости.

— Вы тоже не видите выход?

— Мы его духовно ищем, — сказала я.

Дима аккуратно добавил:

— На табло пока не указан.

Девушка рассмеялась, её спутник поднял большой палец. Через минуту к нам присоединился тот самый мужчина со светлой курткой. Он оказался из России, летел через тот же аэропорт, но дальше ему нужно было в другой китайский город. Затем рядом остановилась женщина с маленьким чемоданом и огромным пакетом из дьюти-фри. Она говорила на смеси английского, жестов и отчаянной надежды, что кто-нибудь объяснит, куда всем идти. Так постепенно у табло образовался наш международный отряд выживших.

Это было удивительное состояние. Мы ещё не знали друг друга, но уже делились информацией так, будто вместе прошли несколько походов. Кто-то нашёл в приложении предварительный гейт. Кто-то сказал, что посадка может начаться поздно. Кто-то видел сотрудника и выяснил, что надо ждать. Дима стал в нашем маленьком отряде человеком документов: спокойно сверял номера рейса, время, терминал и объ-

яснял, что паниковать пока рано.

— А когда будет не рано? — спросила я.

— Когда рейс исчезнет с табло.

— Спасибо, теперь у меня есть план тревоги.

Мы пошли по коридору к предполагаемой зоне ожидания. Коридор оказался длинным, затем ещё одним длинным, затем эскалатором, затем снова коридором. В дорамах герой идёт к судьбе по бамбуковой роще. В аэропорту герой идёт к судьбе через зону парфюма, затем мимо закрытого кафе, затем вниз, затем вверх, затем по стрелке, которая обещает «ещё немного», хотя «немного» в аэропорту — понятие философское.

Автобус до удалённой стоянки появился в нашей жизни внезапно. Мы уже почти поверили, что сейчас сядем в самолёт через рукав, как цивилизованные люди, но сотрудник направил всех вниз, к дверям, за которыми ждал автобус. Туда вошли пассажиры с чемоданами, рюкзаками, пакетами, детьми, подушками для шеи и лицами людей, которым сказали: «Почти прилетели», а затем предложили ещё один маленький наземный квест.

Автобус был тесный. Я держалась за поручень, Дима держал мой рюкзак, рядом девушка с рюкзаком прижимала к себе бутылку воды, мужчина в светлой куртке пытался не наступить никому на ноги. За окнами скользили самолёты, огни, машины обслуживания, полосы разметки. Ночь вокруг была рабочей, металлической, без романтики, зато с боль-

шим количеством сигналов.

— Это уже похоже на катастрофическую драму, — прошептала я.

— Пока это автобус.

— В катастрофических драмах всё тоже начинается с автобуса.

— Тогда держись крепче за поручень, главная героиня.

Я держалась. Автобус дёрнулся, и весь наш международный отряд качнулся в одну сторону. Кто-то ойкнул, кто-то рассмеялся, ребёнок сказал на незнакомом языке что-то очень выразительное, и мы все вдруг стали не пассажирами разных рейсов, а людьми в одной банке с колёсами, которые ночью везут нас к самолёту, где мы продолжим путь к своим разным причинам лететь в Китай.

Второй самолёт был больше, тише и серьёзнее. В нём уже чувствовалась дальняя дорога. Люди устраивались основательно: доставали пледы, маски для сна, бутылки, книги, детские игрушки, таблетки, наушники. Мы нашли места в середине салона. Окна мне не досталось, и я испытала маленькую драму, но Дима сказал, что зато у нас рядом проход, а проход — это свобода ног. Я решила, что свобода ног тоже может быть частью романтики, если её правильно назвать.

До вылета оставалось время. Салон гудел разговорами, полки захлопывались, кто-то искал место для огромного пакета, стюард помогал пожилой женщине пристроить чемоданчик. Наш международный отряд рассыпался по рядам, но

мы всё равно узнавали друг друга глазами. Девушка с рюкзаком помахала нам через проход. Мужчина в светлой куртке устроился впереди и сразу достал распечатки. Я почувствовала к нему уважение: человек понимал силу бумаги.

— Вот видишь, — сказала я Диме. — Распечатки — это не только твоя религия.

— Бумага не садится по батарееке.

— Ты сейчас звучишь как древний мудрец канцелярии.

— Мудрецы выживали, потому что печатали бронь в двух экземплярах.

Самолёт взлетел уже в ночь. На этот раз не было радостного утреннего света, не было ясных дорог внизу, только чёрное пространство за иллюминаторами и редкие огни, которые быстро исчезли под крылом. Салон постепенно погас, экраны стали маленькими личными лунами, люди затихли. Я попыталась устроиться так, чтобы поспать, но дальний перелёт сразу объяснил мне, что человеческое тело не предназначено для красивого сна в экономклассе. Оно предназначено для серии компромиссов: шея туда, нога сюда, локоть убрать, ремень не давит, но и не исчезает, подушка для шеи помогает ровно настолько, чтобы ты продолжал надеяться.

Дима заснул быстрее. Это было несправедливо, потому что он сидел возле прохода и периодически пропускал людей, но всё равно умудрился отключиться. Я смотрела на его лицо в синеватом свете экрана и думала, что вот он, мой человек реальности: способен уснуть между двумя континен-

тами с паспортом во внутреннем кармане и уверенностью, что если что-то пойдёт не так, он проснётся и начнёт проверять документы.

Через несколько часов пришёл голод. Он пришёл тихо, без драматического объявления, но уверенно. Самолётная еда уже давно стала воспоминанием, кафе в пересадочном аэропорту мы прошли мимо из-за тревоги по поводу выхода, а бутерброд, купленный Димой «на всякий случай», мы съели рано, потому что всякий случай наступил сразу после посадки в самолёт. Я открыла рюкзак и стала искать что-нибудь съедобное.

— Что ты делаешь? — спросил Дима, проснувшись от шума.

— Ищу пищу.

— У нас было печенье.

— Было?

— Должно быть.

Он достал из бокового кармана пачку печенья. Маленькую. Очень маленькую. Таковую, которую в обычной жизни ешь автоматически и не считаешь едой, а в самолёте ночью она превращается в стратегический ресурс империи. Мы посмотрели на пачку с уважением.

— Сколько там? — спросила я.

Дима открыл, пересчитал.

— Шесть.

— Делим поровну.

— Три и три.

— А если одно сломано?

— Тогда сломанное считается за моральную компенсацию тому, кто сильнее устал.

— Это я.

— Это спорно.

Мы ели печенье медленно, почти церемониально. Крошки падали на салфетку, вода в маленькой бутылке стала вдруг драгоценной, а где-то в темноте салона кто-то разворачивал шоколадку, и звук этот казался неприличной роскошью. Я подумала, что если бы нас сейчас увидела моя доoramная фантазия, она бы разочаровалась. Никаких героев на вершине горы, никаких тайных клятв. Двое взрослых людей делят шесть печений на высоте, потому что не купили лапшу в аэропорту.

— Знаешь, — сказала я, — в этом тоже есть эпичность.

— В печенье?

— В последнем печенье перед Китаем.

— Оно не последнее. У меня ещё батончик в кармане.

Я посмотрела на него с чувством, близким к благоговению.

— Почему ты молчал?

— Берёг на случай настоящей катастрофы.

— Дима, я голодна уже сейчас.

— Значит, катастрофа среднего уровня.

Он достал батончик и разломил пополам. Половина до-

сталась мне, половина ему. Я откусила и почувствовала, что любовь иногда выглядит не как букет и не как признание на мосту под фонарями, а как человек, который не сказал про батончик раньше, потому что планировал спасти тебя в более тяжёлый момент, но всё-таки не выдержал твоего лица.

Ночь тянулась. Салон жил собственным странным временем: кто-то спал, кто-то смотрел третью подряд комедию, кто-то ходил к туалету, кто-то открывал шторку иллюминатора и тут же закрывал, потому что за ней было всё то же чёрное ничто. Стюардессы проходили по проходу мягкими шагами, раздавали воду, забирали стаканчики, отвечали на вопросы. Рядом через два ряда ребёнок проснулся и заплакал так искренне, будто первым из нас понял всю правду дальнего перелёта.

Я пыталась думать о Китае. О том, что мы летим не в страну, а в свою собственную многолетнюю фантазию о ней. Дома фантазия была удобной: поставил серию, заварил чай, завернулся в плед, и Китай сам приходит к тебе красивыми кадрами. В самолёте фантазия стала физической: затёкшая спина, сухие губы, ремень безопасности, усталость, крошки от печенья, чужой кашель, маленький экран с картой полёта. Путь требовал тела, а тело не умело быть возвышенным дольше двадцати минут.

— Ты не спишь? — спросил Дима.

— Нет.

— Переживаешь?

— Немного. А ты?

— Я думаю, где будет паспортный контроль.

— Это твой способ переживать?

— Это мой способ любить порядок.

— А меня?

Он повернул голову, посмотрел на меня сонно и серьёзно.

— Тебя тоже. Поэтому паспорт держи ближе.

Я рассмеялась тихо, чтобы не разбудить соседей. Затем всё-таки задремала, провалилась в короткий сон без сюжета и проснулась от того, что в салоне начали светлеть экраны, а голос из динамиков сообщил что-то о снижении. Люди зашевелились. Кто-то поднимал спинки кресел, кто-то искал обувь, кто-то поправлял волосы, будто Китай мог оценить причёску при первом взгляде. Дима уже был бодр и проверял папку.

— Мы подлетаем? — спросила я, пытаюсь понять, где моё лицо и почему оно такое чужое.

— Скоро.

— Я выгляжу ужасно?

— Ты выглядишь как человек после ночного перелёта.

— Это хуже?

— Это честнее.

Мне наконец досталось окно: пассажир у иллюминатора поднял шторку, и я наклонилась чуть вперёд. Сначала за стеклом была только серая предрассветная пустота. Затем из неё проявились линии. Дороги, тонкие и прямые, расходи-

лись по земле, как жилы на огромной ладони. Затем появились огни: не отдельные, как в маленьком городе, а целые россыпи, сети, прямоугольники кварталов, длинные ленты трасс, световые узоры развязок. Земля внизу не просыпалась — она уже работала.

— Дима, смотри, — прошептала я.

Он наклонился через меня, хотя с его места было неудобно. Мы смотрели вниз вместе. Китай ещё не был запахом, голосом, лицом, едой, ошибкой, помощью или улицей. Он был светом под крылом, огромным и спокойным. Я приготовилась к тому, что сейчас во мне прозвучит что-нибудь достойное начала великой главы, но рядом кто-то громко чихнул, ребёнок через проход сообщил, что ему надо в туалет, а Дима сказал:

— Паспорта затем не убирай глубоко. Сейчас начнётся самое интересное.

Я хотела возмутиться, что самое интересное уже началось, но поняла: для него огни внизу и паспортный контроль были частями одного и того же чуда. Я видела линии дорог как драконьи вены, а он — как инфраструктуру, по которой нам ещё предстоит добраться до отеля. И, возможно, обе версии были правдой.

Самолёт снижался. Крыло дрожало в сером воздухе, облака разрывались, земля приближалась. Я увидела большие здания, полосы, стоянки самолётов, дороги, по которым двигались маленькие машины. Масштаб оказался совсем не до-

рамный: не древние ворота, не пагоды, не туманная гора, а огромный аэропорт, светлый, деловой, уверенный. Он не собирался впечатлять нас легендой. Он собирался принять, проверить, направить и выпустить в город, если мы правильно выполним всё, что от нас требуется.

Колёса коснулись полосы. Самолёт подпрыгнул, затормозил, по салону прокатился привычный шум облегчения: вздохи, щелчки ремней, хотя табло ещё горело, звон телефонов, шорох пакетов. Я сидела неподвижно и вдруг почувствовала такую ясную радость, что даже усталость отступила. Мы правда долетели. Всё, что было дома словами, вкладами, списками и картинками, стало землёй под колёсами самолёта.

— Мы в Китае, — сказала я.

Дима посмотрел на табло ремней.

— Формально пока в самолёте.

— Не порть.

— Не порчу. Уточняю.

Самолёт долго ехал к стоянке. Очень долго. Так долго, что моя первая восторженная фраза успела постареть, сесть, выпить воды и начать интересоваться, где выход. За окнами проезжали другие самолёты, служебные машины, ангары, разметка. Аэропорт казался отдельным городом, где у каждого жёлтого огонька была должность, у каждой линии — смысл, у каждого поворота — разрешение.

Когда двери наконец открылись, пассажиры поднялись

так дружно, будто всё это время не спали, а ждали команды к освобождению. Полки раскрылись, сумки пошли вниз, кто-то снова потерял игрушку, кто-то пытался надеть куртку в проходе, мужчина в светлой куртке вытащил свои распечатки и выглядел готовым предъявить их самой судьбе. Мы вышли из самолёта в коридор, и первым китайским ощущением оказался не аромат жасмина, не звук древнего инструмента и не влажный ветер с гор, а ровный аэропортовый воздух и длинная линия указателей.

Я шла по коридору, стараясь замечать всё: иероглифы рядом с английскими словами, лица людей, свет, стекло, блестящий пол, стрелки, которые вели нас дальше. Внутри всё время вспыхивало: вот оно, вот теперь, вот началось. Но Китай начался процедурой. Он не бросался к нам с объятиями, не спрашивал, любим ли мы дорамы, не предлагал выбрать меч. Он показывал направление к паспортному контролю.

— Вот, — сказал Дима. — Теперь держи документы.

— Я держу.

— Не в папке. В руке.

— Ты сейчас как наставник перед первым испытанием.

— Именно. Только испытание называется «не искать паспорт на дне рюкзака у стойки».

Очередь на паспортный контроль была спокойная и длинная. Люди стояли змейкой между лентами, двигались небольшими шагами, смотрели в телефоны, поправляли рюкзаки. Никто не драматизировал, кроме меня, но я дела-

ла это в основном внутренне. После ночного перелёта драматизировать вслух не хватало сил. Я смотрела на кабинки, на сотрудников, на камеры, на таблички и чувствовала, как моя дорамная музыка окончательно уступает место аэропортовой тишине.

— Не улыбайся широко, — прошептал Дима.

— Почему?

— Не знаю. Будь обычной.

— Я не умею быть обычной после ночного перелёта. Я либо героиня, либо человек, которому нужен душ.

— Выбери человека с паспортом.

Перед нами стояла женщина с маленьким чемоданом и огромным пакетом из дьюти-фри. Она обернулась, узнала нас по пересадке и улыбнулась устало. Мужчина в светлой куртке был в соседней очереди и поднял большой палец, как участник экспедиции, который видит знакомых у последнего перевала. Девушка с рюкзаком уже прошла контроль и помахала нам с другой стороны. Наш международный отряд выживших распадался по кабинетам, но в этой короткой переключке было что-то тёплое: мы вместе прошли ночь, автобус, табло, печенье, неопределённость, и теперь каждый уходил в свой Китай.

Когда подошла моя очередь, я подала паспорт и постаралась выглядеть одновременно честно, бодро и не так, будто внутри у меня бегают маленький барабанщик тревоги. Сотрудник посмотрел документ, посмотрел на меня, снова на

документ. Камера мигнула. Пальцы нужно было приложить к сканеру. Я приложила не те. Затем те, но не так. Сотрудник спокойно показал жестом. Я исправилась, почувствовав, что первое моё взаимодействие с Китаем — это не «ни хао», а попытка правильно положить пальцы на стекло.

Печать поставили без фанфар. Паспорт вернулся ко мне через окошко. Я отошла на несколько шагов и вдруг поняла, что граница пройдена. Никакого внутреннего оркестра, никакой замедленной съёмки. Документ в руке и Дима рядом, который тоже прошёл и сразу пересчитал нас взглядом: он, я, рюкзаки, папка, телефоны.

— Ну? — спросила я.

— Прошли.

— Скажи как-нибудь красивее.

— Нас пропустили по инструкции.

В этом и была первая правда Китая, которую мы ещё не успели понять. Он не был хаосом, который надо победить, и не сказкой, которая обязана нас развлекать. Он был системой, где у каждого шага есть место: сюда приложи пальцы, здесь возьми паспорт, туда иди за багажом, дальше покажи декларацию, затем ищи выход. И если ты не строишь из себя героя, а внимательно смотришь, система тебя пропускает.

Багажная лента стала следующим испытанием. Мы стояли среди других пассажиров и смотрели, как из чёрного проёма выползают чужие чемоданы. Красный, серый, зелёный, огромный пластиковый, перевязанный ремнём, с наклейкой,

с пакетом, с обмоткой. Нашего не было. Затем снова не было. Затем появился похожий, но чужой, и я испытала к нему почти обиду: зачем подавать надежду, если ты не наш.

— Он прилетит, — сказал Дима.

— Ты уверен?

— Нет. Но пока это полезнее, чем другой вариант.

— А если дракон его съел?

— Тогда дракон заполнит акт утери багажа.

Наконец наш чемодан выехал на ленту боком, с немного помятым видом, но живой. Я чуть не сказала ему «родной», но вовремя вспомнила, что вокруг люди. Дима снял его с ленты, проверил бирку, ручку, колёса и только после этого кивнул. Мы снова были в полном составе: два человека, два рюкзака, один чемодан-антагонист, папка документов и маленькая надежда, что дальше всё пойдёт проще.

Не пошло. Дальше начался аэропорт после прилёта, а это особое пространство, где усталость встречается с указателями и проигрывает им не сразу. Мы вышли в общий зал, и Китай стал громче. Люди встречали пассажиров, кто-то держал таблички, кто-то говорил в телефон, кто-то двигался уверенно, как будто родился в этом аэропорту и с детства знал все выходы. Над головами висели указатели к метро, такси, автобусам, обмену, туалетам, информации. Всё было понятно и непонятно одновременно.

— Нам нужен адрес отеля, — сказал Дима.

— Он у нас есть.

— Покажи.

Я открыла телефон. Телефон задумался. Интернет пока не работал, сохранённый адрес нашёлся в заметках, но выглядел так, будто его написал человек, который доверяет будущему больше, чем следует: название отеля, район, какие-то китайские иероглифы, английская строка, скриншот карты и моя подпись «рядом со старым кварталом». Дима посмотрел на это молча.

— Что? — спросила я.

— «Рядом со старым кварталом» — это не адрес.

— Это художественное уточнение.

— Водитель такси не оценит.

— У нас есть иероглифы.

— Хорошо. Иероглифы — уже не поэзия, а шанс.

Мы отошли к скамейке, чтобы не мешать потоку, и устроили первый китайский штаб. На коленях у Димы лежала папка, у меня в руках был телефон, чемодан стоял между нами как усталый участник совещания. Нужно было понять, как добраться до города, где взять связь, где обменять деньги, нужно ли сразу покупать воду, как вызвать такси, не потерять ли метро, и почему после двенадцати часов дороги человеческий мозг способен читать только слова «туалет» и «выход».

— Может, сначала кофе? — спросила я.

— Сначала связь.

— Вода?

— После связи.

— Туалет?

Дима поднял глаза.

— Туалет — вне очереди.

Это было самое романтическое решение утра. Мы пошли по указателям, нашли туалет, затем автомат с водой, затем стойку информации, возле которой выяснилось, что наш адрес надо показывать полностью, лучше на китайском, и желательно не в виде «старый квартал где-то рядом». Сотрудница за стойкой посмотрела на наш скриншот, что-то уточнила, показала направление к транспорту и произнесла несколько английских слов так спокойно, что я почти поверила: мы справимся.

— Она нас благословила? — спросила я, когда мы отошли.

— Она сказала, где выход.

— В путешествии это одно и то же.

Мы двинулись к выходу, и вот тут меня настигло первое настоящее ощущение прибытия. Не на паспортном контроле, не у ленты багажа, не в самолёте. А именно в тот момент, когда автоматические двери раскрылись, и впереди показалось пространство за пределами аэропортовой нейтральности. Там был воздух другого места. Не сказочный, не кинематографичный, не такой, как я репетировала в голове. Другой. Чуть влажный, прохладный, с запахом дороги, машин, утреннего города и огромной страны, которая жила до нас,

без нас и теперь ненадолго разрешала нам попробовать её понять.

Я остановилась на секунду. Дима тоже остановился, но не из-за воздуха, а потому что чемодан зацепился колесом за стык плитки. Мы одновременно дёрнули его, чемодан нехотя поехал дальше, и вся высокая сцена получила правильную бытовую подпись.

— Ну что, — сказала я. — Китай.

— Китай, — согласился Дима. — Теперь главное — правильно назвать отель.

И в этой фразе было всё: конец перелёта, начало путешествия, мягкое поражение моей фантазии и первая радость. Мы прилетели. Мы прошли досмотры, табло, автобус, ночь, голод, печенье, паспортный контроль и багажную ленту. Мы стояли в Китае, ещё ничего толком не увидев, но уже имея свою маленькую историю о том, как дорога к чуду оказалась сделана из лотков, ремней, печатей, воды, усталости и людей, которые на разных языках спрашивали друг у друга: «Это точно наш рейс?»

Я думала, что Китай начнётся с императорских ворот, красных фонарей или хотя бы с красивого кадра, где мы идём навстречу древности. Китай начал практичнее и честнее. Он поставил нас у выхода из аэропорта, вложил в руку телефон с адресом и тихо предложил первое заклинание, без которого не открывается ни одна настоящая дорога: правильно объясните, куда вам надо.

Глава 2. Китай пропускает по инструкции

Китай начался не с улицы, а с того, что мы встали у выхода из аэропорта и поняли: мало прилететь в страну, надо ещё доказать ей, что ты способен двигаться дальше без надзора взрослых. За стеклянными дверями были автобусы, такси, метро, люди с телефонами, стойки, стрелки, таблички и такая уверенная организация пространства, что мне сразу захотелось стать более собранной версией себя. Дима уже стал: он держал паспорт, телефон, папку с распечатками и выражение человека, который назначил себя временным министром реальности.

— Сначала связь, — сказал он.

— Сначала вдохнуть Китай.

— Вдохнуть можно по дороге к связи.

— Ты понимаешь, что сейчас рушишь важный момент?

— Я его не рушу. Я сохраняю, чтобы ты могла затем загрузить фотографии.

Это был убедительный довод. Я вдохнула Китай на ходу, между указателем к метро и стойкой информации, и получила не древние благовония, а запах кофе, чемоданных колёс, кондиционера и чьего-то горячего супа из контейнера. Запах был не кинематографичный, зато честный. Китай не

собирался изображать для нас открытку. Он работал.

Паспортный контроль формально остался позади, но внутри меня он ещё продолжался. Я всё ещё чувствовала под пальцами холодное стекло сканера и помнила, как не с первого раза приложила руку правильно. В дорамах героиня проходит границу миров, когда распахиваются огромные ворота, за которыми её ждёт судьба. Я прошла границу, когда сотрудник спокойно показал мне жестом: не так, ещё раз, вот теперь нормально. Это было не унижительно, а даже полезно. Китай сразу дал понять: здесь не надо угадывать настроение богов, здесь надо следовать инструкции.

— Я, кажется, широко улыбалась, — сказала я.

— Ты улыбалась как человек, который хочет понравиться камере наблюдения.

— Я хотела быть дружелюбной.

— Камера оценила.

Дима говорил сухо, но я видела, что он тоже выдохнул только сейчас. Пока мы стояли в очереди, он держался спокойно, как человек, у которого в голове есть план на все случаи. Но когда печати оказались в паспортах, багаж нашёлся, а мы вышли в общий зал, его плечи чуть опустились. Так у Димы выглядела радость: мышцы переставали служить государству тревоги.

Мы подошли к стойке, где продавали связь. Перед нами стояла очередь из таких же свежеприлетевших людей, у каждого в глазах светилось одно и то же: «Дайте мне интернет,

и я снова стану личностью». На стенде были тарифы, иероглифы, английские слова, изображения сим-карт и QR-коды. Много QR-кодов. Они висели на стойке, лежали на маленьких табличках, мелькали на экране, были приклеены сбоку и смотрели на меня чёрно-белыми квадратными глазами.

— Они везде, — прошептала я.

— Кто?

— Печати.

— Это QR-коды.

— Ты говоришь это так, будто одно исключает другое.

Сотрудница за стойкой взяла наш паспорт, показала тариф, что-то уточнила на английском и попросила телефон. Дима слушал внимательно, я кивала с выражением человека, который понимает международную связь как явление цивилизации. На самом деле я понимала только то, что без этого маленького пластикового прямоугольника мы сейчас будем блуждать по Пекину на силе брака и скриншотах.

— Один номер? — спросила сотрудница.

Дима повернулся ко мне.

— Берём один или два?

— Два, — сказала я сразу.

— Почему?

— Если ты потеряешься, я должна иметь возможность написать тебе: «Где ты?»

— Если я потеряюсь, значит, с реальностью случилось что-то серьёзное.

— Тем более.

Он хотел возразить, но сотрудница уже смотрела на нас так, как смотрят люди, которые за день слышали сто семейных переговоров и давно поняли: туристам лучше дать две сим-карты, чем слушать спор. Мы взяли две. Процесс оказался удивительно деловым: паспорт, номер, подпись, телефон, маленькая скрепка, слот, перезагрузка. Когда на экране появились первые полоски связи, я испытала чувство, близкое к крещению в цифровой цивилизации.

— Всё, — сказал Дима. — Теперь у нас есть интернет.

— Мы снова видим мир.

— Мы снова можем найти туалет, метро и отель.

— Ты называешь самые важные вещи в правильном порядке?

— После перелёта — да.

Первое столкновение с QR случилось почти сразу после связи. Я решила купить воду. Казалось бы, что может быть проще: человек хочет воду, человек подходит к киоску, человек берёт бутылку, человек платит. Но между человеком и водой стояли маленькая табличка с кодом, касса, терминал, приложения, которых у нас пока не было, и моё желание не выглядеть варваром, впервые увидевшим торговлю.

— Можно наличными? — спросила я у Димы, будто он был послом Китая.

— Попробуем.

Мы протянули купюру. Продавщица кивнула, взяла день-

ги, дала сдачу и бутылку. Всё прошло настолько легко, что я даже расстроилась: никакой драмы, никакой победы над системой, никакого ритуального сканирования. Но на стойке всё равно лежал QR, и он смотрел на меня с тихим превосходством.

— Видишь? — сказал Дима. — Наличные работают.

— Пока он нас изучает.

— Кто?

— Код.

— Катя.

— Что? Он же явно не так здесь лежит.

Дима открыл бутылку и протянул мне.

— Пей. Тебе надо восстановить отношения с реальностью.

Я пила воду маленькими глотками и смотрела вокруг. Люди подходили к стойкам, прикладывали телефоны, сканировали коды, что-то оплачивали, получали еду, билеты, чеки, проходили дальше. Вся жизнь вокруг двигалась через маленькие квадраты, и эти квадраты не были украшением. Они открывали двери к еде, транспорту, деньгам, связи, порядку. В моей голове они сразу стали магическими печатями. Только не такими, которые светятся синим огнём в древнем храме, а такими, которые требуют стабильный интернет, правильное приложение и терпение.

— Надо настроить оплату, — сказал Дима.

— Прямо сейчас?

— Лучше сейчас, чем в момент, когда мы будем голодные и злые.

— Мы уже немного такие.

— Поэтому у нас есть мотивация.

Мы отошли к свободному столу у стены и начали великий ритуал подключения. Дима открывал приложение, вводил данные, проверял карту, получал код, вводил код, приложение думало, затем просило ещё что-то подтвердить. Я держала паспорта, воду, салфетки и моральную поддержку. Иногда мне казалось, что мы не привязываем банковскую карту, а заключаем союз с местным духом платежей, который внимательно проверяет, достойны ли мы лапши.

— Оно работает? — спросила я.

— Пока не знаю.

— А когда узнаешь?

— Когда попробуем заплатить.

— То есть проверять будем едой?

— Скорее всего.

— Хорошая система. Ошибка сразу будет вкусной или трагичной.

Приложение наконец показало что-то похожее на успех. Дима посмотрел на экран, затем на меня, затем снова на экран. В его лице мелькнуло редкое выражение: осторожная гордость инженера, который построил мост, но ещё не пустил по нему первый грузовик.

— Кажется, получилось.

— Поздравляю. Ты приручил печать.

— Я привязал карту.

— У каждого героя свой язык.

Следующим уровнем был транспорт. Мы могли взять такси, но после ночного перелёта и долгого ожидания в аэропорту Дима счёл метро более понятным: линии, станции, направление, цена, предсказуемость. Я считала, что такси романтичнее: сел и едешь, город сам появляется за окном. Дима напомнил, что романтика такси заканчивается там, где водитель не понимает наш адрес, а мы не понимаем, куда нас везут. Метро, по его мнению, хотя бы честно показывало, где мы ошиблись.

— Метро — это подземный дворец процедур, — сказала я, когда мы пошли по стрелкам.

— Главное, чтобы дворец был с лифтом.

— Ты опять всё приземляешь.

— У нас чемодан. Он и есть земля.

Чемодан ехал за нами по гладкому полу и громко стучал на стыках плитки, будто выражал своё отношение к подземным дворцам. Указатели вели уверенно: стрелка, эскалатор, длинный коридор, ещё стрелка, поворот. Везде было чисто, светло и логично, но логично не на нашем языке. Иероглифы казались мне красивыми, английские подписи — спасительными, а расстояния — слегка воспитательными. Китай не говорил: «Идите куда хотите». Он говорил: «Идите туда, куда указывает стрелка, и не спорьте с масштабом».

У входа в метро нас ждал досмотр. Я не сразу поняла, что это именно досмотр, потому что люди вокруг двигались спокойно: положил сумку на ленту, прошёл рамку, забрал сумку, пошёл дальше. Никто не делал из этого события. Только я внутренне снова включила саундтрек.

— Сумку на ленту, — сказал Дима.

— Даже в метро?

— Даже в метро.

— Романтическая спонтанность, значит, после сумки.

— В Китае спонтанность проходит через сканер.

Мы положили рюкзаки на ленту. Чемодан тоже пришлось отправить в аппарат, и он исчез в тёмном прямоугольнике так обречённо, словно уже устал от нашей любви к приключениям. Сотрудник у монитора смотрел спокойно. Рамка пропустила меня без звука. Я забрала рюкзак, поправила лямку и почувствовала неожиданное уважение к процедуре. В ней не было агрессии, не было хаоса, не было театра подозрительности. Было правило: все показывают сумки, все идут дальше.

— Это быстро, — сказала я.

— Потому что все знают, что делать.

— А мы?

— Мы делаем вид.

— Пока успешно?

— Пока не задержали.

Покупка билетов в метро оказалась отдельным испытани-

ем, но не злым. Автоматы стояли ровными рядами, экраны светились, станции предлагали выбрать линию, язык переключался на английский, но английский не отменял необходимости понять, куда мы едем. Дима достал маршрут: аэропортовая линия, пересадка, ещё линия, нужная станция, затем «семь минут пешком». Эти семь минут на скриншоте выглядели невинно, как маленький хвостик после большого дракона.

— Вот сюда, — сказал он и ткнул в экран автомата.

— Ты уверен?

— Нет. Но это максимально похожее название.

— Мне нравится честность нашего навигатора.

— Я не навигатор. Я человек с офлайн-картой.

Я смотрела, как он выбирает станцию, количество билетов, способ оплаты. Автомат показал сумму и снова вывел QR. Дима попробовал оплатить телефоном. Экран подумал. Приложение подумало. Мы подумали вместе с ними. За нами уже стояли люди, и я почувствовала тот особый международный стыд, когда не ты виноват, но очередь считает, что ты часть проблемы.

— Может, наличными? — прошептала я.

— Подожди.

— Он нас отверг?

— Он думает.

— Код или телефон?

— Все.

Через несколько секунд оплата прошла. Автомат выдал две карточки. Дима взял их так, как берут военные пропуска перед важной операцией. Я хотела поцеловать свою карточку, но решила, что для первого дня это слишком.

— Мы сделали это, — сказала я.

— Мы купили билеты.

— В чужой стране, после ночного перелёта, с первого почти раза.

— «Почти» здесь ключевое.

Турникет стал воротами. Я приложила карточку, створки открылись, и я прошла с чувством, что Китай только что сказал мне: «Хорошо, следующий уровень». Дима прошёл следом, чемодан протиснулся за ним, недовольно подпрыгнув на колёсах. Внизу шумел поезд. Люди стояли на платформе по разметке, кто-то смотрел в телефон, кто-то держал стакан с напитком, кто-то поправлял маску. Всё было быстро, но не суетливо. Как будто здесь давно договорились, что скорость не обязана выглядеть как паника.

Поезд пришёл почти сразу. Двери открылись, люди вышли, люди вошли, мы вместе с чемоданом нашли место у стойки. Я держалась за поручень и пыталась одновременно не мешать, не упасть, не потерять билет и смотреть в окно, хотя смотреть было особо некуда: тоннель, свет, отражения лиц. В отражении я увидела нас: помятые после дороги, с рюкзаками, с глазами шире обычного, с чемоданом, который занимал много места в нашей биографии.

— Мы в пекинском метро, — сказала я тихо.

— Угу.

— Ты можешь сказать что-нибудь не бухгалтерское?

Дима посмотрел на схему линий над дверью.

— Нам через пять остановок выходить.

— Почти получилось.

Он улыбнулся одним уголком губ. Я знала эту улыбку: она означала, что он тоже чувствует момент, не доверяет ему настолько, чтобы выпускать из рук схему. Я не стала настаивать. В конце концов, если бы оба человека в паре одновременно жили только моментом, они могли бы проехать свою станцию, затем ещё одну, а затем считать это культурным погружением.

На первой пересадке мы узнали, что метро может быть не транспортом, а школой смирения. Нужно было выйти из поезда, подняться, пройти по длинному переходу, спуститься, снова приложить внимание к указателям, понять направление, не перепутать платформу и не позволить чемодану уехать впереди нас по наклонному участку пола. Указатели были везде, но их обилие не отменяло того факта, что в усталой голове все стрелки начинают спорить.

— Нам туда, — сказала я уверенно.

— Нет, туда противоположное направление.

— Но стрелка красивая.

— Стрелки не выбирают по красоте.

— Очень жаль. В моём Китае выбирают.

— В твоём Китае мы уже уехали бы в депо.

Мы пошли туда, куда показывала некрасивая, но правильная стрелка. На переходе я заметила, что люди вокруг двигаются с особой точностью: обходят, ускоряются, замедляются, встают на эскалаторе так, чтобы дать пройти тем, кто спешит. Никто не объяснял нам правил словами, но пространство всё время подсказывало: здесь стой, здесь иди, здесь подожди, здесь пропусти. Это было похоже на танец, в который нас пустили без репетиции, но с надеждой, что мы будем смотреть по сторонам.

На второй линии стало теснее. Чемодан мешал нам и, кажется, гордился этим. Я прижимала его к ноге, Дима держал рюкзак перед собой, рядом школьник в форме играл в телефоне, женщина с пакетом дремала стоя, мужчина у двери читал новости. Обычная жизнь ехала рядом с нами, и от этого мне вдруг стало спокойнее. Китай переставал быть гигантским словом и становился людьми, которые возвращаются, едут, ждут свою станцию, держат пакеты, поправляют наушники, смотрят в экран.

— Я всё время жду, что будет страшно, — сказала я.

— А пока?

— Пока понятно, если не думать широко.

— Вот и не думай широко. Думай до следующей станции.

Это был хороший совет, почти философский. После ночного перелёта и аэропорта невозможно было понять весь Китай. Можно было понять одну стрелку, один турникет, од-

ну станцию, один выход. Поднебесная как идеально организованный квест давала задания маленькими порциями. Не «познай страну», а «приложи карточку». Не «встреться с судьбой», а «не перепутай направление». Не «открой сердце миру», а «покажи сумку».

Когда мы вышли на нужной станции, я почувствовала преждевременную победу. Это была ошибка. Станция оказалась не финальной точкой, а большим подземным организмом с несколькими выходами, переходами, лифтами, лестницами, торговыми уголками и указателями, которые вдруг перестали казаться такими уж дружелюбными. На карте в телефоне отель был рядом. В реальности рядом было всё, кроме уверенности.

— Нам выход А, — сказал Дима.

— Точно?

— Так показывает карта.

Мы пошли к выходу А. Он вёл через переход, затем по лестнице, затем снова по коридору. Чемодан на лестнице сразу стал не вещью, а обвинением. Дима взял его за ручку и потащил вверх. Я несла рюкзак и папку, чувствуя себя полезной в моральном смысле.

На поверхности нас встретила улица, но не та, которую мы ожидали. Я не знаю, какую улицу мы ожидали после выхода А, но точно не эту: широкую, шумную, с потоком машин, автобусной остановкой, высоким зданием напротив и отсутствием чего-либо, похожего на наш отель. Карта показала,

что мы где-то рядом. Реальность выглядела как «рядом» в масштабе человека, который никогда не тащил чемодан после перелёта.

— Это не оно, — сказала я.

— Это выход А.

— Может, нам нужен был В?

— Карта показывала А.

— Карта ещё показывала семь минут пешком. Я ей уже не доверяю.

Дима развернул телефон, увеличил карту, повернул её, и синяя точка послушно крутанулась вместе с нами. Мы повернулись физически. Точка снова задумалась. Я знала этот танец: человек верит карте, карта верит спутникам, спутники где-то в небе смеются над всеми.

— Нам надо туда, — сказал Дима.

— Туда — это через дорогу?

— Возможно.

— Там забор.

— Значит, не туда.

— Может, спросим?

— Сначала сами.

Это «сначала сами» было частью нашего семейного кодекса. Оно означало: мы ещё не признали поражение, но уже подходим к его границе. Мы прошли вдоль улицы, дошли до перехода, поняли, что переход ведёт не туда, вернулись, нашли лифт, который, возможно, вёл обратно под землю, и

остановились. Чемодан молчал, но его колёса уже сказали всё, что думали о нашем умении ориентироваться.

— Нам нужен выход В, — признал Дима.

— Ты уверен?

— Нет. Но выход А нас не любит.

Мы спустились обратно в метро. На этот раз турникеты не понадобились: мы были в зоне переходов, но это не облегчало душу. Подземное царство приняло нас снова, как строгий учитель, который знал, что ученики ещё вернутся за правильным ответом. Мы нашли указатель на выход В, затем обнаружили, что выходов В несколько: В1, В2, В3. Это было уже не метро, а экзамен по мелкой топографии.

— Какой В? — спросила я.

Дима смотрел в телефон. Телефон смотрел в вечность.

— В2.

— Почему?

— Он ближе к направлению.

— А если нет?

— Тогда мы узнаем Китай глубже.

Выход В2 оказался с лестницей. Чемодан издал звук, похожий на внутренний протест. Дима посмотрел на него, затем на лестницу, затем на меня.

— Лифт поищем?

— Давай. Мы не обязаны доказывать чемодану, что сильнее.

Лифт нашёлся не сразу. Мы прошли мимо автомата с на-

питками, маленького киоска, стенда с картой района, вернулись, увидели знак доступной среды и пошли по нему. Лифт был занят: из него вышла женщина с коляской, за ней мужчина с сумками. Мы подождали, вошли, поднялись и оказались на другой поверхности. Эта улица была уже ближе к ожиданию: поменьше, с деревьями, припаркованными велосипедами, вывесками, запахом еды откуда-то сбоку и людьми, которые шли по своим делам. Но отеля всё равно не было.

— Уже лучше, — сказала я.

— По карте нам туда.

— Ты говорил это у выхода А.

— У выхода А я был моложе.

Мы пошли. Сначала уверенно, затем осторожнее, затем с остановками каждые тридцать метров. Карта обещала поворот, но поворот выглядел как въезд во двор. Дима сказал, что это может быть улица. Я сказала, что улица не может быть настолько похожа на служебный проход. Китай не вмешивался. Он стоял вокруг нас домами, вывесками, скутерами, проводами, деревьями, людьми у маленьких лавок и давал понять, что наши категории «улица», «двор» и «проход» здесь требуют переобучения.

Мы дошли до перекрёстка, где карта впервые уверенно заявила, что мы ушли не туда. Я посмотрела на Диму. Он посмотрел на карту. Между ними происходил молчаливый профессиональный конфликт.

— Она врёт, — сказал он.

— Карта?

— Точка.

— Может, это мы врём точке?

— Мы стоим физически.

— Но духовно?

Дима не рассмеялся, потому что был занят спором с навигацией. Я решила не мешать и посмотрела вокруг. Рядом с входом в небольшое здание сидел охранник в форме. Он пил чай из прозрачной бутылки, рядом стоял термос. Лицо у него было спокойное, рабочее. Он не выглядел как мистический проводник, который ждал нас с древним знанием. Он выглядел как человек, у которого есть смена, стул и понимание, что туристы иногда появляются из воздуха и смотрят на карту как на больного родственника.

— Дима, — сказала я тихо. — Давай спросим.

— Сейчас.

— «Сейчас» — это до того, как мы окажемся снова у выхода А?

Он поднял глаза, увидел охранника и выдохнул.

— Давай.

Мы подошли. Я сразу почувствовала, как во мне просыпается желание быть предельно вежливой и бесполезной. Я улыбнулась, кивнула, сказала «ни хао» с таким старанием, будто от интонации зависела судьба экспедиции. Охранник кивнул в ответ. Дима показал ему адрес на телефоне: китайские иероглифы, название отеля, скриншот карты. Охранник

взял телефон не из наших рук, а чуть наклонился посмотреть, затем указал пальцем на экран, поднял глаза на улицу, что-то сказал по-китайски и махнул рукой в направлении, которое мы ещё не рассматривали как законное.

Мы оба посмотрели туда. Там был узкий проход между зданиями.

— Туда? — спросила я по-русски, потому что в критические моменты человек возвращается к родному языку.

Охранник снова показал рукой: туда, затем налево, затем, кажется, ещё раз куда-то. Он говорил спокойно, не раздражаясь и не превращая нас в событие. Затем взял со стола ручку, нашёл на листке свободный угол, нарисовал простую схему: линия, поворот, ещё линия, кружок. Подписал что-то и снова показал на наш телефон.

— Thank you, — сказал Дима.

— Спасибо, — добавила я и поклонилась чуть глубже, чем нужно.

Охранник улыбнулся краем губ и махнул рукой: идите уже, пока снова не передумали. В этом жесте не было спасения иностранцев, не было великой сцены доброты, не было музыки. Человек увидел двух уставших людей с чемоданом и показал, куда идти. И от этой простоты мне стало теплее, чем от любой церемонии.

— Видишь? — сказала я, когда мы двинулись в проход.

— Китай помогает.

— Охранник помог.

— Он часть Китая.

— С этим не спорю.

Проход оказался улицей. Или переулком. Или тем, что в наших привычных категориях требовало отдельного слова. Он шёл между стенами, затем расширялся, затем снова сужался, рядом стояли велосипеды, у двери маленькой лавки мужчина раскладывал коробки, женщина несла пакет с зеленью, кто-то проехал на скутере так близко, что я прижала локти. Чемодан стучал по неровностям, и каждое его колесо сообщало, что городской Китай начинается не с парадного входа.

Мы вышли на другую улицу. Здесь было больше жизни: вывески, красные фонари, несколько маленьких заведений, запах жареного, влажный воздух, провода над головой, люди, которые не обращали на нас внимания. Это было прекрасно. Не потому, что выглядело как дорама, хотя фонари пытались. А потому, что это было настоящее утро чужого города, в которое мы попали не как зрители, а как два человека, которым всё ещё надо найти отель.

— Нам туда, — сказал Дима.

— Ты снова уверен?

— Теперь у нас есть схема охранника.

— Схема сильнее карты?

— На данный момент да.

Я шла рядом и чувствовала, как страх постепенно меняет форму. В аэропорту он был большим и общим: страна,

язык, деньги, дорога. В метро он стал процедурным: билет, досмотр, выход. На улице он уменьшился до конкретного: повернуть налево или направо. С таким страхом уже можно было жить. Его можно было нести рядом с рюкзаком, можно было шутить над ним, можно было остановить прохожего и показать адрес.

Мы всё равно ошиблись. Конечно, ошиблись. Схема охранника была честной, но мы рано повернули. Прошли мимо лавки с фруктами, мимо двери, за которой кто-то громко разговаривал, мимо припаркованных скутеров, и оказались у маленького тупика с несколькими входами. Карта опять начала крутиться. Дима молчал. Я тоже молчала, но выразительно.

— Не говори, — сказал он.

— Я ещё ничего не сказала.

— Ты подумала.

— Я подумала, что это очень атмосферно.

— Ты подумала: «Мы заблудились».

— Это тоже атмосферно.

В этот момент из одного входа вышла девушка с бумажным стаканом в руке. На ней была светлая куртка, волосы собраны в хвост, на кроссовках — маленькие брызги после недавнего дождя или уборки улицы. Она увидела нас, наш чемодан, наш телефон, наши лица и без всякого удивления остановилась.

Дима показал адрес. Девушка посмотрела, быстро ска-

зала что-то, затем поняла, что мы не поняли, улыбнулась и жестом показала: назад, затем направо, затем прямо. Я включила переводчик, но он в этот момент решил стать духом-трикстером и выдал на экран фразу: «Вы возвращаетесь в заднюю правильность». Я посмотрела на Диму.

— Очень поэтично.

— Главное — назад.

Девушка увидела нашу растерянность, махнула рукой и пошла несколько шагов вместе с нами до нужного поворота. Не до отеля, не через весь район, не как проводница из легенды. До места, где ошибка могла повториться. Там она показала направление, снова улыбнулась, сказала короткое английское «this way» и ушла обратно со своим стаканом, потому что у неё была своя жизнь, а мы были всего лишь двухминутным отклонением в её утре.

— Вот, — сказала я. — Ещё один человек.

— Угу.

— Не «угу», а важный момент.

— Важный. Но идём, пока не потеряли this way.

Мы пошли. Улица сузилась, дома ниже, фонари заметнее, а вывески ближе к лицу. Где-то щёлкнула металлическая дверь. Из маленькой кухни донёсся запах бульона и жареного лука. Мужчина на велосипеде объехал наш чемодан с таким мастерством, будто с детства тренировался лавировать между иностранцами и их багажом. Я поймала себя на том, что уже не пытаюсь всё назвать. Не каждый дом должен

был стать декорацией, не каждая вывеска — знаком судьбы, не каждый прохожий — персонажем легенды. Иногда улица ведёт тебя, если ты не очень гордишься, чтобы спросить дорогу.

Но до победы ещё было рано. Карта снова показала: «семь минут пешком». Эти семь минут появлялись у нас уже третий раз и начинали звучать как насмешливое пророчество. Семь минут до отеля. Семь минут до душа. Семь минут до того, как можно снять рюкзак и перестать быть человеком-переездом. Семь минут, которые в телефоне выглядели прямой линией, а в реальности превращались в переулки, повороты, ступеньки, скутеры и необходимость решать, является ли этот проход улицей или чьим-то внутренним двором.

— Сколько осталось? — спросила я.

— Семь минут.

— Ты говорил это двадцать минут назад.

— Карта не учитывает нашу личность.

— И чемодан.

— Чемодан особенно.

Мы остановились у стены, чтобы пропустить женщину с тележкой. Она провезла мимо нас ящики с зеленью и даже не посмотрела с раздражением. Объехала, как объезжают обычное городское препятствие. Мне вдруг понравилось быть обычным препятствием в Пекине. Не туристической катастрофой, не героями приключения, не людьми, которых

надо немедленно спасать, а частью утреннего движения: вот зелень, вот скутер, вот мужчина с пакетом, вот двое с чемоданом, которые учатся читать пространство.

— Знаешь, что я поняла? — сказала я.

— Что надо было брать такси?

— Нет. Что Китай не хаотичный.

Дима посмотрел на меня с осторожным интересом.

— Продолжай.

— Он очень логичный. Не нашей логикой. Здесь всё работает, но надо сначала понять, где у него ручка, где кнопка, где вход и где выход. Мы всё время ищем дверь там, где у нас была бы дверь.

— А тут она может быть переулком.

— Или QR-кодом.

— Или досмотром сумки.

— Или охранником с чаем.

Дима кивнул. Мне показалось, что для него это был один из главных комплиментов стране: она оказалась не непредсказуемой, а системной. Система не собиралась подстраиваться под нашу усталость. Она спокойно предлагала правила, указатели, коды, ленты досмотра, выходы, схемы и людей, которые при необходимости показывали рукой. Нам оставалось перестать обижаться на то, что реальность не выдаёт субтитры заранее.

Мы дошли до перекрёстка, где по карте надо было повернуть. Перед нами открывался более узкий переулок с крас-

ными фонарями, серыми стенами, припаркованными велосипедами и вывеской, которую я не могла прочесть, но сразу полюбила за цвет. У входа в маленькое кафе кто-то мыл порог. Вода стекала к краю дороги, отражая фонари и наши ноги. Я остановилась на секунду, потому что наконец увидела тот самый Пекин, который ждала: не дворцы и не парадные проспекты, а живой старый район, куда мы вошли криво, устало, через метро, досмотр, неверный выход и доброту нескольких незнакомцев.

— Красиво, — сказала я.

— Согласен, — ответил Дима.

Я повернулась к нему.

— Ты согласен?

— Да. Но отель всё ещё не найден.

— Не порть.

— Я не порчу. Я удерживаю сюжет.

Он был прав. Красота вокруг не отменяла задачи. Нам надо было дойти до отеля, показать паспорта, получить ключ, найти номер, поставить чемодан и, желательно, не уснуть лицом в куртку. Я посмотрела на карту. Синяя точка стояла почти на нужной линии. До отеля оставалось, конечно же, семь минут.

— Опять семь, — сказала я.

— Магическое число.

— Не начинай. Это моя территория.

— Тогда веди, героиня.

Я взяла телефон, как берут в руки карту сокровищ, и пошла вперёд. Дима катил чемодан следом. Мы двигались медленно, потому что переулок жил своей жизнью: то скутер, то человек с пакетом, то ступенька, то лужа, то поворот, который хотелось перепроверить. Но теперь я уже не ждала, что Китай распахнёт перед нами императорские ворота. Он показал себя иначе: через очередь, где надо не улыбаться широко; через QR-код, который открывает воду и билеты; через метро, где романтика проходит досмотр; через выход А, который уверенно ведёт не туда; через охранника, который рисует схему на клочке бумаги; через девушку со стаканом, которая говорит «this way» и возвращает нас в заднюю правильность.

Впереди переулок чуть изгибался, и за этим изгибом, по всем обещаниям карты, должен был быть наш отель. Телефон снова написал «семь минут пешком», словно не хотел расставаться с любимой шуткой. Я посмотрела на Диму, на чемодан, на фонари, на утренний Пекин и поняла, что первая китайская инструкция оказалась простой: не спорь с процедурой, не гордись растерянностью, спрашивай, когда не знаешь, и помни, что семь минут в незнакомом городе могут стать отдельной главой.

Мы свернули за угол с видом людей, которые почти победили, и сразу поняли, что настоящие семь минут только начинаются.

Глава 3. Пекин начинается не с императоров

Телефон уверенно показывал тонкую линию до отеля, как будто идти надо было по воздуху, а не по переулку, где с одной стороны стояли велосипеды, с другой — скутеры, посередине ехала тележка с коробками, а наш чемодан пытался занять сразу все возможные полосы движения.

Пекин встретил нас не императорским дворцом, а стеной серого кирпича, красными фонарями, влажной плиткой под ногами и запахом горячего масла из двери, которая выглядела как вход в чью-то обычную жизнь. Я честно пыталась удержать красивый тон. В конце концов, мы попали в хутины — старые пекинские переулки, о которых я читала дома с чашкой чая и чувством, что там непременно будет древность, тишина и лёгкий ветер судьбы. На деле там были повороты, скутеры, провода, чужие пороги, корзины, вывески и маленький грузовичок, который решил проехать именно тогда, когда мы с чемоданом заняли самую неудобную точку улицы.

— Прижмись к стене, — сказал Дима.

— Я уже почти в стене.

— Тогда стань ещё архитектурнее.

Грузовичок протиснулся мимо нас с невозмутимостью че-

ловека, который делал это каждый день и не считал нашу драму чем-то особенным. Водитель даже не посигналил. Он посмотрел вперёд, аккуратно объехал чемодан, проехал дальше и растворился за поворотом, оставив после себя короткий запах бензина и моё осознание, что в хутонах романтика всегда имеет габариты.

Мы двинулись дальше. В телефоне синяя точка стояла почти на маршруте, но слово «почти» после ночного перелёта превращалось в отдельного врага. Переулок шёл прямо, затем раздваивался. Один путь был уже, но светлее; второй шире, но почему-то вёл туда, где висело бельё и стояла открытая дверь с ведром у порога. Карта считала, что нам надо прямо. Прямо в реальности не существовало.

— Куда? — спросила я.

Дима развернул телефон.

— По карте — туда.

— Там дверь.

— Значит, карта думает, что дверь — улица.

— Может, в Китае это нормально?

— Не настолько.

Он повернул телефон, синяя точка лениво провернулась, будто тоже устала после перелёта. Мы повернулись вместе с ней, сделали три шага влево, затем вернулись. Чемодан стукнул колесом о камень, и звук этот был похож на сухой комментарий: «Вы оба не знаете, что делаете».

Я прислонилась плечом к стене и попыталась вспомнить

всё, что представляла о первом пекинском дне. В моих фантазиях мы шли по старому району спокойно и красиво. Дима держал бы меня за руку, я смотрела бы на фонари, где-то рядом звучала бы флейта, а отель нашёлся бы сам, потому что у красивых историй есть чувство такта. Реальность выдала нам гудящий телефон, чемодан с характером и переулочек, где, кажется, даже кошка знала дорогу лучше нас, но не собиралась делиться.

— Может, спросим ещё раз? — предложила я.

— Кого?

В этот момент из-за угла вышел мужчина с пакетом зелени и термосом под мышкой. Он шёл быстро, по-хозяйски, как человек, у которого утро расписано без иностранных туристов. Мы переглянулись. Дима поднял телефон, но мужчина уже прошёл мимо, ловко обогнул чемодан и исчез в том направлении, которое карта считала сомнительным.

— Его.

— Уже поздно.

— А если он шёл к нашему отелю?

— Тогда наш отель пахнет зеленью.

Мы пошли за ним не потому, что это было логично, а потому что в путешествии иногда единственный план — идти туда, куда уверенно пошёл местный человек. Через двадцать метров переулочек вывел нас к маленькой развилке с красными фонарями. Фонари висели низко, чуть покачивались от движения воздуха и выглядели так, будто знали больше, чем

показывали. Под ними была вывеска, табличка с иероглифами и ещё один проход, уходящий в сторону.

— Вот, — сказала я. — Красиво.

— Красиво, — согласился Дима. — Но это не адрес.

— Ты не можешь всё время мерить Пекин адресом.

— Пока у нас нет номера, могу.

Я хотела ответить, что номер — это временное, а впечатления — вечные, но ноги напомнили, что вечность лучше обсуждать сидя. Мы стояли посреди развилки, и мой дорамный внутренний голос с каждым шагом терял уверенность. Он ещё пытался шептать: «лабиринт добрых духов», «старая столица», «красные фонари зовут», но поверх него всё громче звучала нормальная земная мысль: «Хочу душ. Хочу снять рюкзак. Хочу, чтобы кто-нибудь сказал, куда идти».

— Дай я посмотрю, — сказала я и взяла телефон.

Дима отдал без спора. Это означало, что ситуация официально перешла из режима «я контролирую» в режим «пусть попробует другой член экипажа». Я увеличила карту, уменьшила, повернула. Синяя точка мигала рядом с линией маршрута, но почему-то не желала совпасть с ней. На экране всё было почти рядом: отель, улица, мы. В жизни между нами и «почти» стоял район, который не собирался раскрывать планировку людям, не прошедшим посвящение.

— Здесь написано, что идти две минуты.

— Семь минут взрослеют.

— Теперь две.

— Значит, мы приблизились к математике отчаяния.

Мы пошли в проход под фонарями. Он оказался не улицей, а коротким коридором между стенами, который вывел во дворик. Во дворике стояли два велосипеда, пластиковый таз, какие-то ящики и маленький столик, за которым пожилой мужчина чистил овощи. Он поднял голову, посмотрел на нас без удивления, затем на чемодан. Я улыбнулась и сказала «ни хао» так нежно, как будто могла этим извиниться за вторжение в его утро.

Дима показал адрес. Мужчина отложил нож, вытер руку о полотенце, наклонился к телефону и произнёс длинную фразу по-китайски. Мы оба кивнули с выражением людей, которые приняли важное послание и не поняли ни одного слова. Мужчина увидел это, усмехнулся, встал и вышел с нами к проходу. Там он показал назад, затем рукой сделал движение направо, затем ещё раз направо, затем махнул вперёд и сказал что-то короткое.

— Спасибо, — сказала я.

— Thank you, — добавил Дима.

Мужчина вернулся к овощам. Он не выглядел героем. Не был старцем-наставником, не доставал из рукава карту древнего Пекина, не произносил мудрость о пути. Он показал дорогу двум уставшим людям, которые ворвались в его дворик с чемоданом и телефоном. И это почему-то подействовало сильнее любой подготовленной туристической сцены.

— Он сказал назад, направо, направо, вперёд? — уточни-

ла я.

— Ты тоже так поняла?

— Я поняла жестами. Это почти язык.

— Тогда идём, пока не придумали третий вариант.

Мы вернулись к фонарям, повернули направо, затем снова направо. Через минуту вышли на знакомое место. Очень знакомое. Знакомое. Это был тот самый участок улицы, где несколько минут назад нас объехал грузовичок.

Дима остановился.

— Нет.

— Что «нет»?

— Мы сделали круг.

— Не круг. Культурную петлю.

— Катя.

— Хорошо. Круг.

Мы стояли в старом пекинском переулке, и он был прекрасен ровно настолько, насколько может быть прекрасным место, где ты заблудился с чемоданом после ночного перелёта. Красные фонари вдруг перестали быть романтическими и стали ориентиром, который повторяется часто. Велосипеды казались одинаковыми. Двери — одинаковыми. Серые стены — одинаковыми. Даже запах жареного масла, который сначала радовал, теперь звучал как насмешка: кто-то ест, а мы ходим кругами.

— Отель где-то здесь, — сказала я.

— Это самая опасная фраза в путешествии.

— Но он правда где-то здесь.

— Как и всё в мире, если масштаб достаточно крупный.

Я открыла бронирование. Название отеля было там. Адрес был там. Карта была там. Наша уверенность отсутствовала. Я нажала кнопку «позвонить», но тут же сбросила: разговаривать по телефону на английском после ночного перелёта с человеком, который, возможно, говорит по-английски лучше меня, а возможно, хуже, казалось испытанием выше моих текущих сил.

— Напишем им, — сказала я.

— Куда?

— В приложение. Или в мессенджер. У них есть контакт.

Дима взял телефон, нашёл переписку с отелем, где ранее было написано вежливое сообщение о нашем прибытии. До этого момента я считала такие сообщения формальностью. Теперь они выглядели как тонкая ниточка между нами и кроватью.

— Что писать? — спросил Дима.

Я посмотрела вокруг: фонари, стена, вывеска, проход, велосипеды, наш чемодан, я с лицом человека, который хотел старый Пекин и получил его без инструкции.

— Пиши: «Заблудились. Help».

— Очень литературно.

— Зато честно.

Дима написал по-английски, что мы рядом, но не можем найти вход. Затем приложил фото улицы. Я решила, что фо-

то должно быть информативным, и отступила на пару шагов, чтобы в кадр попали фонари и вывеска. В этот момент мимо проехал скутер, и я отскочила к стене, чуть не наступив на колесо чемодана.

— Осторожно, — сказал Дима.

— Я создаю доказательную базу.

— Ты создаёшь ДТП с участием фонаря.

Мы отправили сообщение. Ответа не было. Прошло десять секунд, затем двадцать, затем целая вечность длиной в минуту. Я чувствовала, как во мне поднимается драматическая волна. Сейчас, думала я, из-за угла выйдет высокий молчаливый человек в тёмной одежде, посмотрит на нас так, словно знал ещё с рождения, и поведёт по тайной улице к скрытому двору. Или появится пожилая хозяйка с фонарём. Или хотя бы кот, который приведёт нас к двери.

Телефон коротко звякнул. Отель ответил: «Where are you?»

— Где мы? — спросил Дима.

— На улице красных фонарей, — сказала я, быстро.

Он посмотрел на меня.

— Ты уверена, что это хорошая формулировка?

— А как ещё? Они же красные. И фонари.

— В международной переписке иногда важно, чтобы фраза не звучала как начало криминальной истории.

Я забрала телефон и всё-таки написала: «We are near red lanterns. We can't find entrance.» Затем добавила фото. От-

правила. Через несколько секунд пришёл ответ: «Please wait. I come.»

Я перечитала два раза. Затем третий. Усталость мгновенно превратила эту простую фразу в начало легенды.

— Она идёт, — сказала я.

— Кто?

— Проводница.

— Сотрудница ресепшена.

— Проводница с ресепшена.

— Пусть будет так, если она найдёт нас быстрее, чем мы себя.

Мы ждали у стены, стараясь не мешать прохожим. Мимо прошла женщина с ребёнком, ребёнок посмотрел на наш чемодан как на животное из другого климата. Мужчина на велосипеде провёз пакеты с булочками. Из маленькой двери вышла девушка в фартуке, вынесла ведро, вылила воду к краю улицы и ушла обратно. Пекин жил. Он не останавливался, чтобы оценить нашу драму. Это было одновременно обидно и успокаивающе.

— Представляешь, — сказала я, — если бы в дораме героиня заблудилась в старом городе, за ней пришёл бы воин.

— В дораме героиня не тащила бы чемодан на колёсиках.

— Не факт. Может, была бы историческая дорама про логистику.

— Тогда воин пришёл бы с тележкой.

Я засмеялась, но смех вышел усталым. Дима стоял рядом:

в одной руке держал ручку чемодана, в другой — телефон. Он тоже устал, но не выдавал усталости. Его забота в такие моменты была не мягкой, а рабочей: проверить адрес, написать, удержать чемодан, поставить меня со стороны стены, где не ездят скутеры. Я иногда сердилась на его сухие реплики, но именно они не давали моей панике превратиться в полноценный спектакль.

Девушка появилась не эффектно. Не из тумана, не под музыку, не на фоне взлетающих лепестков. Она вышла из бокового переулочка быстрым шагом, в коротком пуховике, белых кроссовках и с телефоном в руке. На вид ей было лет двадцать пять. Волосы собраны, лицо сосредоточенное, на плече бейдж отеля. Она посмотрела на нас, на чемодан, на телефон, затем улыбнулась так, как улыбаются людям, которые, кажется, действительно стоят возле красных фонарей и не могут найти вход.

— Hello. This way, — сказала она.

И всё. Никакой лекции о структуре хутунов, никакого «ой, туристы», никакого раздражения. Два слова, жест рукой и быстрый разворот в нужную сторону.

— This way, — повторила я благоговейно.

— Не отставай от проводницы, — сказал Дима.

Девушка пошла впереди. Она двигалась так уверенно, будто Пекин под её ногами был простым и понятным. Там, где мы видели три одинаковых прохода, она видела один правильный. Там, где мы сомневались, она уже поворачивала.

Там, где чемодан застревал, она притормаживала и ждала без раздражения, затем снова показывала рукой. Через тридцать метров она свернула в проход, который мы точно проходили мимо и точно не считали входом. Он выглядел как промежуток между стенами, где нормальный человек не стал бы искать отель. Для Китая, как выяснилось, это был вполне ясный маршрут.

— Мы здесь были, — прошептала я.

— Мы были рядом с «здесь», — ответил Дима.

— Это разные уровни поражения?

— Да.

Девушка провела нас ещё через один поворот, затем через маленький дворик, где стояли горшки с растениями, велосипед и аккуратно сложенные коробки. Дальше была дверь со скромной вывеской. Та самая. Наш отель. Он не прятался мистически. Он существовал там, где мы не смогли распознать вход.

— Here, — сказала девушка и открыла дверь.

Внутри было тепло, светло и пахло деревом, чистящим средством и чем-то сладковатым, возможно чаем. Небольшая стойка ресепшена, пара кресел, полка с брошюрами, кулер, тихий звук кондиционера. После переулков и ночного перелёта это место выглядело как посольство нормальной жизни. Я едва не положила голову на стойку.

— Thank you so much, — сказал Дима.

— Thank you, — повторила я и неожиданно почувствова-

ла, что могу расплакаться от благодарности к человеку в белых кроссовках.

Девушка улыбнулась, взяла наши паспорта, проверила бронирование и начала оформлять заселение. Всё было быстро и просто. Паспорта сканировались, ключи готовились, экран показывал наши данные. Она задала несколько вопросов, Дима отвечал. Я стояла рядом и пыталась не выглядеть так, будто меня можно сдать в камеру хранения вместе с чемоданом.

— Breakfast? — спросила девушка.

Дима уточнил время. Я услышала слово «breakfast» и только в этот момент вспомнила, что мы ели в самолёте печенье и половину батончика. Голод поднял голову, но усталость тут же положила её обратно.

— Завтрак есть, — сказал Дима.

— Завтра?

— Сегодня уже почти день.

— Не говори так. Моё тело ещё в ночи.

Девушка выдала нам ключ, показала направление к лестнице и лифту. Лифт оказался маленький, но прекрасный, потому что лифт с чемоданом всегда прекрасен. Мы вошли втроём: я, Дима и чемодан, который после всех хутунов выглядел как ветеран экспедиции. На экране вспыхнул номер этажа. Я прислонилась к стенке и закрыла глаза.

— Мы нашли, — сказала я.

— Нас нашли, — уточнил Дима.

— Это красивее.

— Это точнее.

Номер был небольшим, но в тот момент мог бы быть императорскими покоем. Кровать. Душ. Чайник. Вода. Окно во двор. Полка для вещей. Розетки. Белые тапочки. Столик, на который можно положить папку и перестать держать всю поездку в руках. Я вошла, сняла рюкзак и почувствовала, как спина впервые за много часов вспомнила, что не обязана быть несущей конструкцией.

Дима поставил чемодан у стены, закрыл дверь и на секунду замер. Мы посмотрели друг на друга. Оба помятые, усталые, слегка растерянные. Такие люди в дорамах не появляются в крупных планах, если только сюжет не хочет показать тяжёлую судьбу. Я расстегнула куртку, села на край кровати и засмеялась. Сначала тихо, затем сильнее. Дима сел рядом и тоже усмехнулся.

— Улица красных фонарей, — сказал он.

— Не начинай.

— Ты сама написала.

— Там были красные фонари.

— Формально да.

— А как надо было написать? «Мы стоим в живописной зоне культурного недопонимания»?

— Лучше: «Мы у входа, но не у того».

— Это не звучит как просьба о помощи.

— Зато не звучит как начало международного скандала.

Я легла на спину прямо в куртке и посмотрела в потолок. Потолок был белый, спокойный, без символизма. Через закрытое окно доносились приглушённые звуки двора: голос, шаги, где-то закрылась дверь. Мы были в Китае. Не в аэропорту, не в метро, не между выходами, а в настоящем номере настоящего пекинского отеля, который нашёлся не благодаря нашей гениальной подготовке, а благодаря девушке с ресепшена в белых кроссовках.

— Знаешь, что обидно? — сказала я.

— Что?

— Я так готовилась к Китаю как к красивой легенде. А первая легенда у нас про то, как мы не нашли вход.

— Зато легенда правдивая.

— И без меча.

— С чемоданом. Чемодан сложнее меча.

Он поднялся, достал из рюкзака бутылку воды, открыл и протянул мне. Я села, выпила половину и только после этого поняла, как сильно хотелось пить. Дима достал зарядки, разложил их по розеткам, поставил телефоны. Затем вынул из папки паспорта и положил их в ящик стола.

— Не в ящик, — сказала я.

— Почему?

— Я буду думать, что они пропали.

Он посмотрел на меня, затем молча переложил паспорта на стол рядом с папкой.

— Так лучше?

— Да.

— Министр документов учёл пожелания населения.

Я сняла обувь, нашла в чемодане чистую футболку, попыталась открыть косметичку и уронила её на пол. Из неё выкатились резинка, крем, маленькое зеркало и тот самый пакет карамели, который я положила на всякий случай. Дима поднял пакет и посмотрел на меня.

— Это что?

— Стратегический ресурс.

— Я думал, все стратегические ресурсы у меня.

— У нас коалиция.

Он вскрыл пакет, протянул мне карамель. Мы ели её сидя на полу возле открытого чемодана. Она липла к зубам, была сладкая и прекрасная. В номере работал кондиционер, телефоны заряжались, вода стояла на тумбочке. За окном Пекин продолжал жить без нашего участия. Мы наконец не двигались.

— План, — сказал Дима после паузы. — Душ. Сон. Затем вечером выйдем только до угла, найдём воду и что-нибудь поесть.

— Только до угла, — повторила я.

— Именно.

— Это звучит как фраза, после которой люди теряются во второй раз.

— Мы будем опытнее.

— Мы уже опытные?

— Мы знаем, что выход А может быть ошибкой, а красные фонари — ориентиром.

Я хотела возразить, но не нашла сил. Душ оказался лучше любой достопримечательности. Горячая вода смывала перелёт, аэропорт, метро, пыль переулков и остатки страха. Когда я вышла, Дима уже лежал на кровати поверх покрывала, но не спал: держал телефон и изучал карту района. Я забрала у него телефон, положила на тумбочку и выключила свет.

— Спать, министр.

— Надо поставить будильник.

— Поставил?

— Да.

— Тогда спать.

Мы уснули так быстро, будто нас выключили из розетки. Мне снились фонари, которые превращались в QR-коды, охранник с чайной бутылкой, чемодан, едущий сам по себе по старому переулку, и девушка с ресепшена, которая шла впереди и время от времени говорила: «This way», хотя во круг был туман, горы и почему-то турникет метро.

Проснулись мы ближе к вечеру. Сначала я не поняла, где нахожусь. Комната была чужая, свет из окна — мягкий и сероватый, Дима рядом — настоящий, чемодан у стены — знакомый. Затем всё вернулось: перелёт, аэропорт, метро, выходы, хутуны, фонари, сообщение в отель, белые кроссовки. Я села на кровати и почувствовала странную бодрость. Тело ещё было тяжёлым, но внутри уже шевелилось любопытство.

— Мы в Пекине, — сказала я.

Дима открыл один глаз.

— Проверено практикой.

— Пойдём только до угла?

Он посмотрел на время.

— Пойдём. Вода, еда, разведка местности. Без героизма.

— Как можно без героизма в старом Пекине?

— В удобной обуви.

Мы переоделись, взяли телефоны, ключ, немного наличных и вышли из номера с осторожностью людей, которые уже знают: отель найден не навсегда, если ты не запомнил дорогу обратно. Девушка с ресепшена сидела за стойкой. Она подняла голову, улыбнулась, и я почувствовала к ней почти родственную благодарность.

— We go out. Just near, — сказал Дима.

Она кивнула и показала визитку отеля.

— Take this. Address.

Дима взял так, будто ему вручали амулет.

— Thank you.

Я тоже поблагодарила и спрятала визитку в карман. Бу-мажная карточка с адресом отеля сразу стала самым важным предметом вечера. Никакой меч, никакой сувенир, никакой шарф для фотографий не могли сравниться с маленьким прямоугольником, который говорил миру: если эти двое снова потеряются, верните их сюда.

Снаружи Пекин изменился. Утром он был испытанием,

а вечером стал сценой, на которой кто-то зажёт фонари и включил запахи. Переулок, где мы днём плутали с чемоданом, теперь выглядел иначе: мягкий свет ложился на стены, красные фонари стали тёплыми, в окнах мелькали люди, где-то звякнула посуда, в маленькой лавке у двери висели связки чего-то сушёного, похожего на еду и загадку одновременно. Велосипеды стояли у стен, скутеры проезжали тихо, но уверенно, как местные животные.

— Только до угла, — напомнил Дима.

— До того угла?

— До ближайшего.

— А если за ним красиво?

— Посмотрим из-за угла и вернёмся.

— То есть угол с обзором.

— Да. Без экспедиции.

Мы дошли до первого угла. За ним, конечно, было красиво. Узкая улица уходила дальше, фонари отражались в мокрых пятнах на плитке, над дверью маленького кафе висела вывеска, изнутри шёл пар и запах бульона. Несколько человек сидели за столиками у окна. Женщина у входа что-то быстро нарезала на доске. Мужчина с телефоном ждал заказ, опираясь на скутер. Всё это было таким обычным, что я вдруг почувствовала: вот он, настоящий вход в город. Не через достопримечательность, не через ворота, а через чужой ужин.

— Можно ещё до следующего угла? — спросила я.

Дима посмотрел на меня. Затем на улицу. Затем на визитку отеля в своей руке.

— Один следующий угол.

— Ты лучший.

— Я слабый.

— Это одно и то же в браке.

Мы пошли дальше. Без чемодана идти было почти неприлично легко. Ноги ещё помнили усталость, но руки были свободны, спина не страдала, а глаза наконец успевали замечать. Двери, которые утром казались закрытыми загадками, вечером стали входами в жизнь: где-то семья ела за маленьким столом, где-то продавец переставлял коробки, где-то старик сидел у стены и смотрел видео на телефоне, где-то ребёнок учился кататься на маленьком самокате между двумя взрослыми.

Я пыталась не превращать всё в экзотику. Это было сложно, потому что каждое окно, каждая вывеска, каждый фонарь просились в мою внутреннюю коллекцию «Китай как в кино». Но люди вокруг занимались не тем, чтобы быть фоном нашего путешествия. Они покупали еду, разговаривали, возвращались домой, несли пакеты, выгуливали маленькую собаку в смешной курточке. Их обычность была сильнее моей романтики.

— Ты притихла, — сказал Дима.

— Я пытаюсь не быть туристом с глазами на палочке.

— Поздно.

— Очень заметно?

— У тебя лицо «я хочу запомнить вот эту стену».

— Она красивая.

— Это стенка.

— Стенка тоже имеет право.

На следующем углу стоял небольшой магазин. Витрина светилась, внутри были бутылки воды, напитки, снеки, какие-то упаковки, которые я не могла расшифровать, и холодильник с яркими баночками. Мы вошли. Продавец поднял голову, кивнул и вернулся к телефону. Я испытала облегчение: никто не ждал от нас сложного поведения. Можно было взять воду, подойти к кассе и не разыгрывать сцену культурного обмена там, где люди покупают напитки.

— Берём две воды, — сказал Дима.

— И что-нибудь съедобное.

— Понятное?

— Съедобное. Понятность после сегодняшнего переоценена.

Мы выбрали воду, маленькую пачку каких-то крекеров, йогурт с неизвестным вкусом и упаковку, на которой был нарисован милый персонаж с чем-то хрустящим. На кассе Дима решил проверить привязанную оплату. Продавец показал QR. Код лежал на стойке спокойно, как печать у чиновника небесной канцелярии. Дима навёл телефон. Приложение открылось, экран мигнул, сумма появилась. Я задержала дыхание. Оплата прошла.

— Получилось, — сказал Дима.

— Мы официально живём в Китае.

— Мы купили воду.

— Через магическую печать.

Продавец отдал пакет и чек. Никакого торжества он не заметил, но для нас это был большой шаг. Утром QR-коды смотрели на меня как чёрно-белые существа, без которых не откроется нормальная жизнь. Вечером один из них открыл нам воду, крекеры и ощущение, что мы не совсем беспомощны.

На улице мы остановились у стены и попробовали крекеры. Они оказались сладковато-солёными, с привкусом, который не поддавался немедленной классификации. Йогурт был нормальный, но с таким характером, будто внутри прятался фрукт, которого я раньше не встречала. Упаковку с милым персонажем Дима открыл осторожно. Внутри были хрустящие палочки.

— Ну? — спросила я.

Он попробовал одну, подумал.

— Есть можно.

— Это высшая похвала?

— После перелёта — да.

Мы дошли ещё до одного угла. Дима уже не напоминал, что это лишний. Он сам смотрел по сторонам с интересом, только делал вид, что контролирует периметр. Улица постепенно становилась тише. Фонари качались, где-то гудел кон-

диционер, из окна второго этажа доносился голос телевизора. Мимо прошёл мужчина с маленькой собакой, собака остановилась возле нашего пакета, обнюхала крекеры и потеряла интерес. Пекин принял нас в свой вечер на правах временных прохожих.

— Возвращаемся? — спросил Дима.

Я хотела сказать «ещё чуть-чуть», но визитка отеля в кармане напомнила утреннее смирение. В первый день не надо доказывать городу, что ты смелый. Лучше доказать себе, что умеешь возвращаться.

— Возвращаемся.

Дорога обратно оказалась проще, потому что без чемодана, без паники и с водой в пакете. Мы узнавали фонари, поворот, стену, магазин, скутер у двери, хотя скутер, возможно, был уже другой. У входа в наш проход я остановилась и оглянулась. Переулок не стал понятным до конца, но перестал быть враждебным. Он был живым, а живое не обязано сразу объясняться.

На улице перед отелем мы задержались ещё на минуту. Не потому что потерялись: в этот раз мы знали, где дверь, где визитка и где стоял Дима с выражением человека, охраняющего государственную границу семейного спокойствия. Рядом с входом происходила обычная пекинская жизнь, и мне хотелось увидеть её не через панику.

Слева от отеля мужчина в серой куртке выкатил на тротуар пластиковый ящик с овощами. Он двигался нетороп-

ливо, но точно: коробка сюда, пакет туда, мокрая тряпка по столешнице, термос ближе к двери. Из соседней двери вышла женщина с маленьким мальчиком. Мальчик тащил за собой игрушечную машинку на верёвке, машинка подпрыгивала на плитке и вела себя почти как наш чемодан, только честнее по размеру. Женщина поправила ему капюшон, что-то сказала, мальчик ответил громко и обиженно. Мир вокруг был чужой по словам, но понятный по жестам.

— Видишь? — сказала я.

— Что именно?

Дима посмотрел на меня, затем на мужчину с ящиком, на мальчика, на вывески.

— Они живут.

— Я серьёзно. Утром всё было квестом. А сейчас как будто город перестал быть экзаменом.

— Это сильное наблюдение после перелёта.

Я хотела возразить, но в этот момент мальчик уронил машинку. Дима машинально наклонился, поднял её и протянул. Мальчик взял, сказал что-то короткое, почти сердитое, но женщина улыбнулась и кивнула. Дима кивнул в ответ. Никакого общего языка, кроме машинки, не потребовалось.

— В Китае с этого всё и начинается: транспортное средство, жест, кивок.

— Я поднял транспортное средство.

— Вот, — сказала я, когда мы пошли к двери. — Ты только что вступил в международные отношения.

В отеле девушка с ресепшена снова подняла голову. Мы показали пакет с водой, как доказательство успешной экспедиции.

— You found? — спросила она с улыбкой.

— Yes, — сказал Дима. — We found water.

— And hotel, — добавила я.

Она рассмеялась, легко, без насмешки. В этом смехе было что-то очень правильное: мы не стали для неё проблемой, которую надо терпеть; мы стали двумя уставшими людьми, которые сначала потерялись, затем нашли воду и теперь гордятся собой. Она протянула нам ещё одну бутылку из кулера и показала, что можно брать.

— Free.

Я чуть не растрогалась второй раз за день. Иногда доброта выглядит не как большое спасение, а как дополнительная бутылка воды после того, как ты уже понял, что не герой, а турист с сухим горлом.

В лифте мы ехали молча. На этот раз молчание было не усталостью, а маленькой паузой после первого самостоятельного выхода. Днём нас выводили, направляли, показывали, спасали. Вечером мы сами дошли до магазина, купили воду, вернулись и даже вернули ребёнку машинку. Это была скромная победа, но именно такие победы, кажется, и строят доверие к дороге.

В номере мы разложили покупки на столе. Дима поставил телефоны на зарядку, я сняла куртку и открыла окно на ма-

ленькую щель. Во двор вошёл вечерний воздух: прохладный, с запахом еды, влажных стен и чего-то металлического. Где-то внизу закрылась дверь, затем послышались шаги, затем тишина. Я села на кровать, взяла блокнот и впервые за день смогла написать не список, не адрес, не тревожное сообщение, а фразу.

«Пекин начинается не с императоров».

Дима заглянул через плечо.

— А с чего?

— С того, что ты стоишь у красных фонарей и пишешь: «Заблудились. Help».

— Сильное начало.

— И с девушки в белых кроссовках.

— Не забудь охранника с чаем.

— И мужчину с овощами.

— И карту, которая врала.

— Карта не врала. Она говорила на своём языке.

— Как дипломатично.

Я закрыла блокнот. Мы сидели рядом, ели странные хрустящие палочки и пили воду из бесплатной бутылки отеля. На столе лежала визитка с адресом, паспорта, зарядки, пакет крекеров, ключ от номера и чек из магазина. Не самые красивые сувениры первого дня, но самые честные. По ним можно было восстановить всю нашу пекинскую эпопею: прилетели, прошли инструкции, потерялись, попросили помощи, нашли номер, вышли только до угла и вернулись почти

взрослыми.

— Я думала, что первый день в Пекине будет другой, — сказала я.

— Какой?

— Ну... дворцы, площади, древность, кадры. Чтобы сразу было понятно: мы в Китае.

Дима открыл бутылку воды и сделал глоток.

— А тебе сейчас непонятно?

Я хотела ответить быстро, но не смогла. Потому что было понятно. Даже слишком. Китай не совпал с моим заранее смонтированным трейлером, зато стал ощутимым: в ленте досмотра, в QR на кассе, в метро, в выходе А, который вывел не туда, в жестах охранника, в сообщении отеля, в белых кроссовках девушки с ресепшена, в крекерах неопознанного вкуса, в бесплатной воде и в улице, где никто не обязан был быть декорацией для нашего восторга.

— Понятно, — сказала я. — Но не так, как я думала.

— Это, кажется, будет часто.

— Ты уже смирился.

— Я хочу завтра позавтракать и не заблудиться до кофе.

Я дописала и это. Затем мы пили воду из бутылок, ели остатки непонятных крекеров и почти гордились собой. Не громко, без героической музыки. Двое людей, которые утром боялись неправильного выхода, а вечером смогли выйти из отеля и вернуться обратно.

В номере Дима положил визитку отеля на тумбочку и при-

жал её бутылкой воды.

— Главное, чтобы амулет был с адресом.

— Напишу: визитка — малый путевой амулет.

— Напиши: визитка работает.

— Да.

— Записываешь? — Дима ставил телефоны на зарядку.

В блокноте появилась запись: «Первый самостоятельный выход: вода, крекеры, машинка». Я посмотрела на неё и поняла, что для путеводителя это выглядело бы жалко. Для нашей книги — идеально.

Я сняла куртку и села на край кровати. Ноги гудели, но это было приятное гудение: не отчаяние, а доказательство, что мы действительно ходили по Пекину, а не только боролись с указателями. Из окна доносились приглушённые голоса. Где-то хлопнула дверь, зашуршал пакет, внизу проехал скутер. Старый квартал жил рядом, не стараясь понравиться и не ставя для нас сцену.

Мы выключили верхний свет, оставили только лампу у кровати. За окном фонари давали мягкое красное пятно на стену двора. Я лежала и слушала чужой город: короткий звук скутера, голос внизу, стук двери, затем отдалённый гул большой улицы. Пекин был рядом, но не наваливался. Он как будто сказал: на сегодня хватит, вы и так прошли вступительный урок.

Я вспомнила, как дома ждала Китая с мечами, туманами и роковыми взглядами. В первый день он выдал нам инструк-

ции, входы, выходы, QR-коды, лестницы, карты, жесты и людей, которые не спасали торжественно, а помогали по делу. И это оказалось не меньше, а больше моей фантазии. Потому что фантазия всегда заботится о красоте кадра, а реальность — о том, чтобы ты в конце концов дошёл до двери.

— Дима, — сказала я в темноте.

— М?

— Мы завтра начнём Китай правильно.

Он молчал секунду. Затем ответил сонно, но с прежней сухой точностью:

— С завтрака?

— С чего-нибудь красивого.

— После завтрака.

Я улыбнулась. Это был честный компромисс между моим Китаем и его Китаем. Мой хотел древности, фонарей и смысла. Его хотел еды, карты и понятного маршрута. Настоящий, как выяснилось, умел соединять всё это в нужной последовательности и не спрашивал нашего разрешения.

Мы решили, что завтра начнём Китай правильно. Китай, как воспитанный хозяин, начал с еды.

Глава 4. Пекин начинается с лапши

Утром Пекин постучал в нас не колоколами древней столицы, не барабаном у ворот и даже не романтическим светом в окне. Он постучал пустым желудком. Я открыла глаза, услышала за окном чужие шаги, скутер, короткий голос снизу, и сразу поняла: всё возвышенное, что я вчера формулировала перед сном, временно отменяется до еды.

Дима сидел на краю кровати и смотрел в телефон. Вид у него был собранный, но слегка помятый по краям, как у карты, которую часто складывали не по линиям. На столе стояли две бутылки воды, пакет вчерашних крекеров и наши телефоны, благополучно ожившие после ночной зарядки.

— Доброе утро, — сказала я.

— У нас сегодня план.

— Я ещё не готова к плану.

— Тогда коротко: еда, затем всё остальное.

Я села. Мир сразу качнулся, напоминая, что тело до сих пор не разобралось, где у него часовой пояс. Вчера мы героически нашли отель, воду и путь обратно, но организм не считал это полноценной победой. Организм хотел завтрак. Не идею завтрака, не культурный опыт, а конкретную тарелку чего-нибудь горячего и съедобного.

— В отеле есть завтрак? — спросила я.

— Есть. Но он уже закончился.

— Как закончился? Мы же только проснулись.

— По пекинскому времени — нет.

Я посмотрела на часы и поняла, что Китай не собирался подстраивать расписание завтраков под людей, которые ночью путались в фонарях. Завтрак действительно закончился. Вчера я мечтала начать день правильно: выйти в город, увидеть что-нибудь важное, красиво удивиться, может быть, выпить чай в старом двореке. Теперь правильное начало сузилось до задачи: найти еду и не сделать вид, что мы понимаем больше, чем понимаем.

— Значит, ищем что-нибудь понятное, — сказал Дима.

— Нет, — возразила я, хотя желудок испуганно прислушался. — Мы в Китае. Нужно аутентично.

— Аутентично насколько?

— Ну... чтобы по-настоящему.

— Но без смерти?

— Желательно.

Дима отложил телефон и посмотрел на меня с уважением человека, который только что услышал техническое задание высокой сложности.

— То есть нам нужно место местное, но не страшное; еда настоящая, но чтобы мы её опознали; острое, но чтобы затем не писать завешание.

— Да.

— Отлично. Простая задача на первое утро.

Мы умылись, переоделись и собрали маленький поход-

ный набор: телефоны, ключ, визитка отеля, салфетки, вода, немного наличных и уверенность, которую пришлось делать видимой, потому что настоящей было мало. Я положила в карман визитку с адресом и сразу почувствовала себя спокойнее. Вчера эта карточка была амулетом возвращения. Сегодня она стала разрешением на смелость: можно отойти чуть дальше, если знаешь, куда тебя затем вернуть.

На ресепшене была та же девушка в белых кроссовках. Она подняла голову и улыбнулась. После вчерашнего спасения мне хотелось вручить ей благодарственную грамоту, но у нас была только вежливость и немного сонные лица.

— Good morning, — сказала она.

— Good morning, — ответил Дима. — Food? Near?

Она сразу поняла. Возможно, по нашим лицам слово «food» можно было не произносить. Девушка вышла из-за стойки, подошла к двери, показала рукой направо, затем ещё раз направо, затем сделала жест ложкой ко рту и сказала:

— Noodles. Good.

— Лапша, — перевёл Дима.

— Я поняла слово noodles без министра иностранных дел.

Девушка улыбнулась, написала в телефоне название места китайскими иероглифами, показала нам и добавила:

— Small restaurant. Many people. Good.

Мне понравилась эта логика. Если много людей и маленький ресторан, значит, шанс выжить повышается. По крайней мере, так хотелось думать. Мы поблагодарили, вышли на

улицу, и Пекин мгновенно предложил нам запахи. Утренние хутуны пахли влажным камнем, горячим маслом, паром, зеленью, тестом и чем-то жареным, от чего желудок начал вести себя некультурно.

— Слышишь? — спросила я.

— Что?

— Город зовёт.

— Это у тебя живот.

— Он тоже часть города.

Мы пошли по знакомому переулку. Без чемодана он снова стал почти дружелюбным. Красные фонари днём выглядели не загадочно, а немного устало, как декорации после спектакля. Скутеры стояли вдоль стен, у дверей кто-то мыл порог, мужчина в тёплой куртке разговаривал по телефону, женщина выкладывала на маленький столик зелень. Пекин уже работал, ел, торговал, куда-то спешил, и мы пытались встроиться в этот ритм так, чтобы не мешать.

— Направо, — сказал Дима у первого поворота.

— Ты уверен?

— Девушка показала направо.

— Вчера все показывали направо, и мы сделали круг.

— Сегодня у нас нет чемодана. Даже если сделаем круг, это будет прогулка.

Он был прав. Без чемодана ошибка становилась почти приключением, а не логистической катастрофой. Мы свернули, прошли мимо магазина, где вчера покупали воду, за-

тем ещё раз направо. Через несколько шагов запах стал сильнее: бульон, чеснок, жареное тесто, острое масло. У небольшой двери стояли два человека, внутри мелькали столы, пар поднимался от мисок, над стойкой висело меню полностью на китайском.

— Кажется, это оно, — сказал Дима.

Я посмотрела внутрь и почувствовала, как моя смелость, такая бодрая в номере, аккуратно отступила за мужа. Место было маленькое, живое, шумное. Люди сидели близко друг к другу, ели быстро и сосредоточенно, кто-то разговаривал, кто-то смотрел в телефон, женщина за стойкой что-то принимала, мужчина у плиты ловко перекладывал лапшу в миски. Внутри не было ни одного слова на русском, ни одного туристического жеста, ни одного пункта «для тех, кто впервые». Это была не декорация. Это было настоящее утро, и мы собирались в него вмешаться.

— Может, найдём что-нибудь с картинками побольше? — спросила я.

— Ты же хотела аутентично.

— Аутентично, но чтобы без смерти.

— Здесь много живых людей.

— Это хороший аргумент, но не исчерпывающий.

Дима посмотрел на меню у входа. Там были иероглифы и несколько фотографий мисок. Фотографии выглядели одновременно обнадеживающе и подозрительно: лапша, зелень, мясо или что-то похожее на мясо, красное масло, бульон. Од-

на миска была почти спокойной, другая выглядела так, будто в ней недавно случилась битва перцев.

— Вот эта, — сказал Дима, показывая на более мирную картинку.

— Почему?

— Она не красная.

— А эта красивее.

— Она красная.

— Красное не всегда опасно.

— В еде утром в незнакомой стране — часто.

Пока мы обсуждали, женщина за стойкой заметила нас и кивком пригласила внутрь. Отступать стало поздно. Я вошла первой, чтобы не выглядеть трусливой, хотя внутри шла за Димой. В ресторане было тепло и тесно. Пахло так вкусно, что страх на секунду потерял голос. У стены стоял автомат с палочками, салфетками и какими-то баночками с соусами. На столах лежали QR-коды, рядом стояли бутылочки с тёмным уксусом и острым маслом. Несколько человек подняли глаза, увидели нас и вернулись к еде. Никто не удивился. Это было прекрасно: мы были не событием, а следующими голодными.

Женщина за стойкой сказала что-то по-китайски. Дима улыбнулся, показал на фотографии у входа, затем на нас двоих, затем поднял два пальца. Я решила помочь и сказала:

— Noodles. Not very spicy. Please.

Женщина посмотрела на меня с вежливой внимательно-

стью, из которой было ясно, что английские слова прошли мимо, но намерение голода понято. Она показала на меню. Дима открыл переводчик. Переводчик, как всякий дух-трикстер, сначала задумался, затем выдал нам: «Говяжья поверхность в честном супе». Мы посмотрели на экран.

— Поверхность? — спросила я.

— Возможно, лапша.

— А честный суп мне нравится.

Дима навёл камеру на другое название. Переводчик написал: «Кислая пряная вермишель, которая будит».

— Нет, — сказал Дима.

— Почему? Может, нам надо проснуться.

— Не таким способом.

Третье блюдо оказалось «лапша с говядиной». Наконец-то слова, которые не звучали как пророчество. Мы показали женщине эту строку и две порции. Она кивнула, спросила что-то ещё. Мы замерли. Она повторила, показала рукой маленький жест, будто добавляет что-то сверху. Я не поняла. Дима не понял. Переводчик не успел. За нами уже стоял мужчина, который хотел заказать и явно знал, что делает.

— Да, — сказала я на всякий случай.

— Что да? — прошептал Дима.

— Не знаю. Но уверенно.

Женщина улыбнулась, нажала что-то на кассе и показала сумму на экране. Рядом лежал QR-код. Дима достал телефон с выражением охотника, который вчера уже видел след дра-

кона и сегодня готов к встрече.

— Сейчас будет проверка, — сказал он.

— Не подведи семью.

— Семья пусть держит салфетки.

Я взяла салфетки. Дима навёл телефон. Приложение открылось. Сумма совпала. Он подтвердил оплату. На экране вспыхнула галочка. Касса издала короткий звук. Женщина кивнула и махнула рукой в сторону свободного столика.

— Получилось, — сказал Дима.

Он сказал это сдержанно, но лицо выдавало его полностью. Это было лицо человека, который не оплатил две миски лапши. Он приручил городскую технологическую тварь, прошёл уровень «еда» и не вызвал полицию, кассовый сбой или сочувственное собрание местных жителей.

— Ты сияешь, — сказала я.

— Я не сияю.

— Сияешь как человек, который победил QR-дракона.

— Я оплатил завтрак.

— Завтраком драконы и приручаются.

— Тогда дипломатические отношения оплачены.

Мы сели за маленький стол у стены. Стол был липковатый от чужой еды, но чистый в рабочем смысле. Рядом сидел пожилой мужчина и ел лапшу с такой скоростью и достоинством, что я сразу поняла: нам до этого уровня далеко. Он держал палочки уверенно, наклонялся к миске ровно настолько, насколько нужно, не терял ни капли бульона и не

выглядел человеком, который составляет драму из завтрака.

Я достала салфетки, протёрла край стола, положила телефон рядом. Дима пошёл за палочками и вернулся с двумя парами, двумя маленькими ложками и выражением человека, который не уверен, что всё взял правильно.

— Ложки есть, — сказал он.

— Значит, выживем.

— Палочки тоже.

— Значит, попробуем выглядеть достойно перед поражением.

Пока мы ждали заказ, ресторан начал учить нас быстрее любого разговорника. Женщина за стойкой брала миски так, будто каждая знала своё место ещё до того, как в неё попадёт бульон. Молодой парень у плиты двигал лапшу длинными палочками, поднимал её из кипятка, встряхивал, опускал в миску. Пар поднимался густой и честный. В нём не было туристической красоты, зато было утро, голод и обещание, что мы сейчас станем немного смелее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.